

ВОЕННО - ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ВАДИМ ПОЛИЩУК

ЗЕНИТЧИК

Боевой расчет
«попаданца»

Зенитчик

Вадим Полищук

**Зенитчик. Боевой
расчет «попаданца»**

«ЭКСМО»

2012

Полищук В.

Зенитчик. Боевой расчет «попаданца» / В. Полищук — «Эксмо», 2012 — (Зенитчик)

Что первым делом придет на ум нашему современнику, очнувшись в горящем вагоне? Что это – катастрофа или теракт? А вот хрен тебе – ни то, ни другое. Поздравляю, мужик, ты попал! Ровно на 70 лет назад, под бомбежку немецкой авиации. На дворе 1941 год, в кармане у тебя куча фантиков вместо денег и паспорт, за который могут запросто поставить к стенке, в голове обрывки исторических знаний да полузабытая военно-учетная специальность, полученная еще в Советской Армии... И что теперь делать? Рваться в Кремль к Сталину, чтобы открыть ему глаза на будущее, помочь советом, предупредить, предостеречь? Но до Сталина далеко, а до стенки куда ближе – с паникерами и дезертирами тут не церемонятся... Так что для начала попробуй просто выжить. Вдруг получится? А уж если повезет встретить на разбитой дороге трактор СТЗ с зенитной пушкой – присоединяйся к расчету, принимай боевое крещение, сбивай «штуки» и «мессеры», жги немецкие танки, тащи орудие по осенней распутице на собственном горбу, вырываясь из «котла»... Но не надейся изменить историю – это выше человеческих сил. Всё, что ты можешь, – разделить со своим народом общую судьбу. А еще знай: даже если тебе повезет вырваться из фронтового ада и вернуться обратно в XXI век – ты никогда уже не станешь прежним...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	21
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Вадим Полищук

Зенитчик. Боевой расчет «попаданца»

Пролог

«Юнкерс» стремительно рос в визире-коллиматоре. Гах-гах-гах-гах! Гулко ударило оружие, в лоб самолета потянулись тусклые, почти невидимые в ярком солнечном свете трассеры. С глухим стуком посыпались стреляные гильзы. И еще раз, гах-гах-гах-гах! Если бы не ватные затычки в ушах, уже бы совсем оглох. Еще одна порция еле видимых трассеров, глухой стук вылетевших гильз. И никакого результата – самолет несеся к земле, вообще не обращая внимания на зенитный огонь. Получай, сволочь! Удар по педали... Гах-гах-гах-гах! Орудие содрогнулось от сильной отдачи и... Снова никакого эффекта. А почему молчат остальные? Концы крыльев «юнкерса» уже вылезли за пределы ракурсных колец визира. Это же, считай, в упор, промазать почти невозможно. Ну, давай! Гах-гах-гах-гах! Неужели мимо? Одно попадание, и ему хана, такого снаряда ему с лихвой хватит и еще останется. Все! Последняя попытка! Удар по педали... На этот раз пушка отозвалась только металлическим лязгом. От отчаяния попробовал еще раз – с тем же успехом. Вот теперь точно конец. Самолет заполнил уже весь прицел, захотелось увидеть свою смерть не через оптику, но откинуться назад и взглянуть поверх прицела помешало что-то мягкое, упершееся в затылок. Попытался еще раз и... проснулся.

Ту-дух – ту-дух, ту-дух – ту-дух, мерно постукивали на стыках колеса поезда. За окном солнце разгоняло предрассветные сумерки. Приснится же такое! Какие «юнкеры»?! Их уже лет семьдесят как отсюда вывели! Впрочем, нет, ровно семьдесят лет назад они здесь только появились. Точно, день в день, сегодня же двадцать второе июня, хорошо, что не воскресенье. Ф-фу-у-у, аж вспотел, надо бы умыться пойти.

Дотянулся до столика, нашарил часы, шесть пятнадцать. До прибытия на станцию Брест-Центральная еще больше двух часов, но спать уже не хотелось. Проклятый «юнкерс», весь сон прогнал. Никогда раньше такого не снилось. Девятнадцать лет, как последний раз из зенитной пушки стрелял, а во сне все было, как наяву. И стрекот взводимого затвора, и лязг подаваемой обоймы, и приглушенный ватой в ушах звук выстрела, и глухой стук экстрагированных стальных гильз. Да-а-а, девятнадцать лет прошло с тех сентябрьских сборов. В конце сборов сдали экзамены и получили лейтенантов запаса, с тех пор вообще ни разу оружия в руки не брал. Интересная тогда сложилась ситуация: Союз почти год как распался, а в Российской армии еще дослуживали граждане уже независимых государств, как и россияне служили срочную в армиях этих самых государств.

Ту-дух – ту-дух, ту-дух – ту-дух. Соседи по купе дрыхнут, хорошо хоть не храпят; надо пойти умыться, пока весь вагон спит и туалеты свободны. Натянул штаны и футболку, зашелкнул часы, на всякий случай сунул в карман спортивок паспорт и пухлый кошелек с двумя кило евро, а также кредитками. Надо было в эту чертову Европу самолетом лететь, но соблазнила возможность на двое суток отключиться от всей этой деловой суеты и расслабиться, жаль СВ не было, пришлось брать купейный. Достал зубную щетку, пасту, мыло, прихватил неизменный атрибут всех железных дорог бывшего Союза – вафельное полотенце и осторожно, стараясь не хлопнуть дверью, выбрался в коридор. Как раз успел заметить, как захлопнулась дверь ближайшего туалета. Пришлось пилить в дальний, тот оказался свободен. Избавился от выпитого накануне, к счастью, вечер был безалкогольным, только чай, поэтому и голова не болела. Недолго поплескался в холодной воде из неудобного нажимного крана, почистил зубы и вытерся полотенцем.

На часах шесть двадцать четыре, до конца пути ровно два часа, надо придумать, чем заняться. Полотенце по старой привычке на шею, мыльницу в карман, паста и щетка зажаты в левой руке. Правой рукой открыл защелку и уже взялся за ручку, когда машинист врубил экстренное торможение. Не удержался на ногах, полетел вперед по ходу поезда и головой приложился обо что-то твердое. Еще до того, как погасло сознание, успел услышать какой-то грохот, и в нос шибануло, казалось, давно забытым запахом сгоревшего при взрыве тротила.

Глава 1

В себя пришел от истошного, раздирающего душу воя. Теракт! Первое, что пришло в голову. Выскочил из туалета и сразу пригнулся – коридор был заполнен дымом, где-то в глубине вагона полыхало пламя. От едкого дыма из глаз сразу хлынули слезы, из вагона выбирался на ощупь. Дверь рабочего тамбура была открыта, кто-то уже успел выскочить. Скатился по стальным ступенькам, и тут же ощущение опасности бросило меня в придорожную траву. Пулеметная очередь прошла буквально на расстоянии вытянутой руки. Жуткий вой стих, чтобы тут же возникнуть снова. Рискнул перекатиться на спину и замер от ужаса. Вот он! Ночной кошмар, с каждой секундой растущий в размерах. Широко разъявленная пасть воздухозаборника, характерный излом крыльев и «лапти» обтекателей шасси. И все это не во сне, а наяву. Даже ущипнул себя, но проснуться не получилось. И нет сейчас у тебя под задницей жесткого стального сиденья автоматической зенитной пушки. А лежишь ты на ровной полосе отчуждения железной дороги, вместе с остальными, кто успел выскочить из поезда, и ждешь. И надеешься, что повезет, что смерть пройдет мимо. Пересилив желание закрыть глаза, досмотрел все до конца, как замигали в консолях крыла пулеметные огоньки, как хлестнули по вагонам пули, и мелькнуло хвостовое оперение выходящего из пологого пикирования «юнкерса».

А потом все закончилось. Прекратился вой сирен, и затих звук мотора, остались только треск горящих вагонов, крики ужаса и боли тех, кто выжил. И пришло удивление. Казалось, что попал на огромную съемочную площадку, на которой снимают фильм о начале войны. Вот только никаких камер и режиссера под зонтиком, окруженного кучей ассистентов, не наблюдалось. Зато сам поезд существенно отличался от того, в который я сел вчера на Витебском вокзале Санкт-Петербурга. Локомотив был разворочен прямым попаданием бомбы, но в том, что это паровоз, не было никаких сомнений. И вагоны мало походили на привычные – с обеих сторон виднелись наружные черные лестницы, по которым сейчас спускались те, кто не успел покинуть их во время штурмовки. Кроме паровоза, от бомб пострадали еще два вагона, остальные были прошиты пулеметным огнем. Огонь постепенно расползлся по составу, и погасить его было нечем, да никто и не пытался.

Страхнув с себя оцепенение, поднялся на ноги. С удивлением обнаружил по-прежнему зажатые в левой руке зубную щетку и тюбик пасты. Торопливо, пока никто не заметил ярких иностранных надписей, засунул их в карман к мыльнице и побежал к соседнему вагону, который уже занимался пламенем с одного конца. Нижняя ступенька стальной лестницы оказалась на высоте моего лица, а рост у меня выше среднего. Поэтому спуск на железнодорожную насыпь оказался труднопреодолимым препятствием для многих и совсем непреодолимым для детей и раненых. Тут мой рост и габариты пришлись кстати. Оттеснив от лестницы старшего лейтенанта в гимнастерке без ремня, который выбрал себе задачу явно не по росту, я начал подхватывать становившихся на нижнюю ступеньку детей и передавать их дальше, у земли их подхватывали другие и спускали вниз по насыпи. Поразило поведение некоторых малышей – в то время как их ровесники размазывали по лицу слезы или орали в полный голос, эти оставались молчаливы и не по-детски серьезны.

Впрочем, детей оказалось немного, дальше пошли раненые. Кто-то в вагоне догадался завернуть тяжелораненых в простыни, и теперь мы со старлеем принимали их из вагона и передавали дальше. Разворачиваться с ранеными в узком проходе было неудобно, дело двигалось медленно, а огонь подбирался все ближе. К счастью, тяжелых оказалось всего трое, дальше пошли легкие, потом четверо оставшихся в вагоне женщин. Последними, без нашей помощи, посыпались на насыпь подгоняемые жаром мужчины.

Я уже заметил, что значительную часть пассажиров составляют военные, одни из них были в форме, видимо, ехали в не пострадавших вагонах, некоторые даже с личным оружием.

Другие щеголяли измазанными в грязи и копоты белыми нательными рубашками, зелеными или темно-синими бриджами и сапогами. Было много молодых парней лет двадцати, видимо, лейтенанты, направляющиеся в Брест после училищ. Организовались они довольно быстро, главный определился очень просто: у кого выше звание, тот и командует. Самым старшим оказался военный лет тридцати пяти, одетый почти по форме, но без фуражки. В черных петлицах с красной окантовкой три шпалы и какая-то эмблема – подполковник. Он быстро организовал помощь раненым, направил трех командиров в ближайшую деревню за подводами для них. Матери разобрали своих детей, но быстро выяснилось, что не у всех детей есть родители, а некоторые из родителей тщетно искали своих детей.

За этой человеческой трагедией я наблюдал несколько отстраненно. Умом я уже понимал, что это все наяву, но до конца поверить в это еще не получалось. Несколько раз ущипнул себя, но ничего не изменилось: светило солнце, потрескивали горящие вагоны, плакали дети, голосил кто-то из женщин, стонали раненые. Так я просидел минут десять, никто на меня не обращал внимания. Наконец решился, подошел к догорающему вагону, оглянулся, никто вроде не смотрит. Вытащил из кармана орластый паспорт и сунул его в краснеющие угли, проследил, чтобы он сгорел без остатка, туда же вытряхнул не существующие здесь деньги и пластиковые карточки, туда же сунул и сам кошелек. Теперь ревизия одежды. Футболка белая, без каких-либо надписей, изнутри, конечно, есть ярлыки с надписями на импортных языках, но спорить их нечем, да и проделывать подобную операцию лучше подальше от посторонних глаз. Штаны черные спортивные с тремя полосками и надписью: «Adidas». Никуда не годится, но авось пронесет, надпись довольно мелкая, да и перемазаны штаны изрядно, а по надписи еще и дополнительно сажей пройдемся. Туфли известной фирмы никаких надписей, по крайней мере, снаружи, не несут, а через десяток километров по местной дороге и вовсе от местных изделий фабрики «Скороход» не отличишь. Зубную пасту и щетку пожалел, где их здесь найдешь? Отличные кварцевые часы швейцарской фирмы прячу в карман, где был паспорт.

Какая все-таки удивительная тварь – человек, к любым условиям приспособится. Еще час назад вполне успешный и обеспеченный человек ехал в Европу, а сейчас он сидит в одних штанах и футболке, без денег, без документов, да еще и перед накатывающимся валом немецкого вторжения. В том, что это 22 июня 1941 года, никаких сомнений не было, если только я не стал жертвой теракта или железнодорожной катастрофы и сейчас лежу в реанимации какой-нибудь белорусской больницы с лошадиной дозой наркоты в организме. Ладно, будем действовать, исходя из того, что все это не наркотические глюки, а реально происходящие события.

Присмотревшись и несколько разобравшись в происходящем, с удивлением понял, что подполковник собирается направить уцелевших на юго-запад, в сторону Бреста. Ну да, это ты такой умный и все знаешь, а у него свои резоны. Ох, не стоит лезть не в свое дело, но смотреть на отправляемых прямо в объятия вермахта женщин и детей было выше моих сил. Поднялся с насыпи и пошел к подполковнику.

– Извините, товарищ подполковник...

По крайней мере с обращением «товарищ» проблем нет, сказывается советская закалка.

– Военинженер первого ранга, – поправил меня «подполковник».

Пробежал по мне глазами, распознал штатского и добавил:

– Что вы хотели?

– Почему вы направляете людей в сторону Бреста, ведь совсем недавно мы проехали достаточно крупную станцию, там нам могут оказать помощь.

Командир снизошел до объяснений.

– Недавно, это на поезде, а так до Ивацевичей километров пятнадцать. С таким табором раньше, чем через шесть часов, вы туда не доберетесь. А в сторону Бреста следующая станция совсем рядом.

– Мы совсем недавно пересекли дорогу, ведущую в Минск. Идти по ней легче, чем вдоль насыпи, и есть возможность поймать попутный автотранспорт. К тому же из Ивацевичей можно уехать по железной дороге, а с той станции в ближайшее время поезда ходить не будут.

Киваю на уничтоженный взрывом паровоз, искореженные рельсы и воронку в насыпи. Военинженер находит контраргумент.

– Оттуда можно добраться до Бреста.

– Это вам надо в Брест. Нас бомбили немецкие самолеты, и не исключено, что сейчас на границе идет бой. А вы хотите тащить женщин и детей в зону боевых действий? Навстречу новым налетам?

Кажется, дошло, после секундного размышления военный инженер первого ранга кивает и отдает команду:

– Всем гражданским идти в сторону Минска!

Несколько голосов дублируют команду, начинается шевеление, первые пешеходы потянулись на северо-восток. Мне тоже пора.

– Ни пуха ни пера вам, товарищ военинженер.

– И вам...

– Инженер я, – представляюсь военному, – в командировку ехал.

– Понятно, – кивает военный, – и вам удачи.

Впереди меня идет женщина в летнем платье с двумя детьми, из вещей только женская сумка. Мальчику лет пять, и он идет сам, второго ребенка, похоже, девочку, женщина несет на руках. Вижу, как ей тяжело, поэтому догоняю и предлагаю помочь. Вижу внутреннюю борьбу в глазах женщины, но ребенка она мне отдает, это действительно девочка, ей около двух лет. Понимаю, я бы и сам засомневался, отдавать ли ребенка лысому, грязному громиле, возвышающемуся над ней на целую голову. Девочка весит килограмм десять, но длительное отсутствие серьезных физических нагрузок начинает быстро сказываться. Да и мальчик вскоре устает. Останавливаемся отдохнуть, мимо нас проезжают четыре телеги, сопровождаемые тремя командирами. У всех троих наганы в кобуре, знал инженер, кого посылать к местным куркулям.

– Скоро выйдем на дорогу, там легче будет, – пытаюсь ободрить ее.

– Пойдемте, – поднимается женщина.

Несмотря на сложившиеся обстоятельства, держится она хорошо. Вскоре действительно выходим на дорогу, ведущую в Ивацевичи, скорость немного возрастает, убаюканная девочка засыпает у меня на руках. Постепенно разговорились. Женщина представилась Верой Мефодьевной, землячкой из Ленинграда. Ехала с детьми к мужу, которого недавно перевели в Брест, к новому месту службы. Мальчика зовут Сашей, девочку – Людмилой. Придерживаюсь своей легенды инженера, ехавшего в командировку. Опасаюсь засыпаться на незнании тогдашних реалий, но женщина больше озабочена судьбой мужа. На вопрос, уж не в гарнизоне ли Брестской крепости служит ее любимый капитан, получаю положительный ответ. Вряд ли она когда-либо вновь его увидит, но я стараюсь ободрить будущую, а может, уже настоящую вдову, и плету, что все будет хорошо.

В первой же деревне беженцы – пока только я знаю, кто они такие – собираются около колодца. Здесь удастся напиться и умыться, спрятанное в карман мыло оказывается очень кстати.

– Какое душистое! – удивляется Вера Мефодьевна.

Делаю зарубку на память, что даже мыло светить опасно. До Ивацевичей еще девять километров; это расстояние преодолеваем за четыре часа. По дороге нас обгоняют телеги с ранеными, нас никто больше не бомбит. Попутных машин не было, навстречу попались три телеги и военная полуторка. Водитель и красноармейцы в кузове смотрели с любопытством, но проскочили мимо, торопились. Впечатление такое, будто и нет никакой войны, до фронта кило-

метров восемьдесят, поэтому канонады не слышно. Но скоро немцы перемелют приграничные дивизии и стремительно рванут вперед. Минск они взяли на пятый день. Мы сейчас между Минском и Брестом, ближе к Бресту. Значит, завтра вечером или послезавтра утром немцы вполне могут быть здесь.

До Ивацевичей добираемся к трем часам после полудня. Поселок уже знает о начале войны из выступления Молотова. Толпа штурмует магазины, еще не громит, но с прилавков сметают все, что можно. Пока я прикидываю, что можно добыть в этой толпе, женщина вспоминает, что в местном вокзале должен быть буфет.

– А как у вас с деньгами? У меня совсем ничего.

Вера Мефодьевна успокоительно машет рукой. Мы, подхватив Сашеньку и Людочку, мчимся к железнодорожной станции, торопясь успеть раньше остальных. Успеем; цены в станционном буфете кусаются. По моему совету она покупает три буханки ржаного хлеба, на ближайшее время это наша единственная пища. Один кирпич приговариваем сразу. Советские дети сорок первого не избалованы даже до начала войны, черный хлеб у них пошел без капризов. Оставив женщину с детьми в крохотном зале ожидания, пошел к начальнику станции выяснить возможность добраться до Минска. Первый попавшийся железнодорожник указал в сторону запасных путей. Там и нашелся коренастый дядька лет пятидесяти в фуражке с красным верхом. В момент появления он как раз гонял сцепщиков и маневровый паровоз, формируя эшелон на Минск. Узнав о появлении на станции двух с лишним сотен беженцев, дядька на секунду впал в уныние, но тут же нашел выход.

– Есть три порожних вагона. Подцепим их сейчас к эшелону. Пусть грузятся в них.

На русском он говорил чисто, видно не из местных, прислали с востока.

– Все не влезут, – возразил я.

Дядька пожал плечами, дескать, больше ничего придумать не могу.

– А на тормозные площадки остальных вагонов, на крыши, в конце концов?

– Не положено.

– А людей под бомбами оставлять положено? Там женщины и дети. А если немцы прорвутся?

Дядька посмотрел мне в глаза и согласился.

– Няхай. Иди в вокзал, скажи, пусть грузятся. Минут через сорок отправим.

Узнав об эшелоне на Минск, толпа ломанулась на запасные пути, чуть друг друга не передавили в дверях. Когда мы добрались до вагонов, двухосные теплушки уже были забиты. С трудом пристроил Веру с детьми на тормозную площадку одного из вагонов.

– Вера Мефодьевна, в Минске не задерживайтесь, сразу уезжайте в Москву или Ленинград, лучше в Москву.

– Но у меня мама в Ленинграде.

– Тогда как можно быстрее доберитесь до Ленинграда и... У вас есть родственники еще где-нибудь?

– В Архангельске. Родители мужа.

– Вот туда и уезжайте. Берите маму и уезжайте. Как можно скорее.

Из глаз женщины вдруг потекли слезы.

– Вы думаете? Неужели? Не может быть, нам же обещали...

– Я ничего не думаю, я беспокоюсь о вас и ваших детях. Сделайте, как я сказал. Обещаете?

Она часто закивала головой, вытирая с лица слезы.

– И помните, в Минске – ни одной лишней минуты. Первым же эшелонам на восток, куда угодно.

– А вы? – опомнилась женщина. – Разве вы не с нами?

– Я остаюсь, да и с местами уже туго.

Как я успел заметить, в эшелон набились не только беженцы из разбомбленного поезда, но и довольно много местных. То ли бегут, то ли используют возможность бесплатно прокатиться до столицы. Кому война, а кому... Ну ничего, фрицы выпишут вам обратный билет. А в мои планы столица Белорусской Советской Социалистической не входила. На Минском вокзале такую подозрительную личность, как я, милиция мимо не пропустит. Не расстреляют, конечно, но «до выяснения» запрет точно, а там и «ролики» немецкие подоспеют. Поэтому остаюсь, в мутной прифронтовой водичке намного проще поймать чьи-нибудь документы для легализации, но и пулю можно поймать запросто, как от тех, так и от других. Сейчас я чужой для всех.

– Спасибо вам за все. Вот, возьмите.

Вера протягивает мне одну из буханок.

– У вас же дети!

– Через несколько часов мы будем в Минске. А у вас нет ничего, вам нужнее. Берите, берите.

Я взял. Засвистел паровоз, дернулись вагоны и медленно покатались прочь от заката. Некоторое время я шел рядом, но вот эшелон ускорился, и я отстал. Помахал на прощание рукой. Больше я их никогда не видел. Надеюсь, Вера воспользовалась моим советом, и когда-нибудь мне это зачтется. Переночевать решил в опустевшем зале ожидания. Страшновато было идти куда-то, на ночь глядя, да и вымотался сильно. Тем более что до следующего вечера немцы здесь вряд ли появятся. Расположился на пустой лавке, не снимая обуви, вдруг сопрут, прижал хлеб к груди и мгновенно уснул. И снился мне горячий песок иностранного пляжа с зонтиками и шезлонгами, в запотевшем стакане холодный коктейль, тоже с зонтиком, а в соседнем шезлонге улыбается мне стройная загорелая девушка в бикини.

Ну не поминал я черта! Ей-богу, не поминал! А он появился. В лице молоденького милицкого сержанта. Цинично растолкал меня, и пока я глазами хлопал:

– Ваши документы!

Продрал я глаза, разогнал остатки столь приятного сна и с лавки поднялся. Вот тут сержант и осознал свою ошибку. Стоит перед ним небритый лысый громила, сантиметров на пятнадцать выше и килограмм на тридцать, а то и все сорок, тяжелее, и, несмотря на появившийся животик, следы борцовской юности исчезли далеко не все. А он один, и наган в закрытой кобуре, и приемы самбо, что показывал им инструктор в школе милиции, уже как-то подзабылись. Да и не справиться ему со мной даже с помощью приемов, хоть и давненько я не тренировался, а просто массой задавлю. Про себя решаю, как только к кобуре потянется – начну.

– Нет у меня документов. В поезде сегодня все сгорело: и вещи, и документы.

– Тогда пройдемте...

Начинает сержант, но тут его перебивает подошедший железнодорожник с пропитанными маслом руками.

– Не чапай яго. Ён с цягніка разбомблённаго, я бачыв.

– Извините, – милиционер даже честь отдал, прежде чем уйти.

– Племяш мой, – поясняет железнодорожник, – яшчэ малады да дурны.

Воспользовавшись моментом, выпросил у заступника чистую тряпицу, в которой он носил на работу свой тормозок. Я в нее завернул хлеб. Железнодорожник еще хотел отсыпать мне махорки, но я отказался – не курю.

До утра меня больше не тревожили, а утром, умывшись водой из-под крана, я двинул на юго-восток, в Беловежскую пушу. Соревноваться в скорости с немецкими танками глупо, еще глупее встать у них на пути с голыми руками. Но мне проще, у меня есть выбор, в отличие от тех, кого скоро начнут кидать под эти танки с одной винтовкой на троих. И я уйду в сторону, туда, где не только танки, но и пехота застрянет – в белорусское полесье. А я в летних туфельках, авось пройду. В этих лесах начнут искать убежище десятки тысяч избежавших

смерти и плена окруженцев и просто беженцев. Там таких «бездokumentных» будет много, к ним привыкнут и будут мало обращать внимания. Попутно прикидываю, под кого из моих ныне живущих родственников можно закосить, но выходит, что не под кого. Нет подходящего по возрасту и полу.

С этими мыслями выхожу к шоссе Брест – Минск – Москва. Шоссе проходит южнее железной дороги, в километре от Ивацевичей. Движение по шоссе довольно интенсивное. По меркам начала сороковых. Для того, кто толкался в пробках на шоссе у Петербурга, такой трафик выглядит просто смешным. Мимо проходит батарея УСВ на конной тяге, ее обгоняет колонна из четырех полуторок, в кузовах какие-то зеленые ящики, а вдалеке уже видна голова пехотной колонны. Встречная полоса пока абсолютно пустая. После прохождения батареи перехожу шоссе и углубляюсь в лесной массив вместе с грунтовой дорогой. До пуши отсюда километров тридцать, надеюсь к вечеру до нее добраться. А с этой стороны Ивацевичей сплошные болота, не местному лучше с дороги не сворачивать. Я и не сворачиваю, я иду, иду и иду.

Иду я уже третий день, в пушу углубился километров на сорок. На второй день пересек шоссе и железную дорогу, идущие с севера на юг, дороги никем не охранялись. О том, где нахожусь, имею весьма смутное представление, дороги постоянно петляют, стараюсь держать общее направление на восток. Постоянно мучают голод и жажда. Ночью к ним добавляется холод, несмотря на дневную жару, ночи довольно прохладные. Как ни странно, в этом краю болот найти проточную воду, которую можно пить, не так просто. Ручьи с приличной водой попадаются редко, сделать запас не в чем, вот и мучаюсь. Хлеб закончился к середине второго дня – как ни пытался растянуть удовольствие, а голод оказался сильнее. Из людей видел только местных пейза, и то издали. Очень надеюсь, что они меня не заметили. В деревни я не захожу, к хуторам не приближаюсь. Население здесь смешанное, польско-украинско-белорусское. Первых меньше, последних больше, но чужаков никто не жалуется. Один раз видел немецкие самолеты, еще три раза только слышал, чьи – не знаю. Может, наши, может, немецкие. Если бы не эти самолеты, то, кажется, что войны и вовсе нет, сплошной пикник.

А между тем война есть. Ты ее не видишь, не слышишь, но она есть. И рано или поздно она до тебя доберется. Вот и сегодня она о себе напомнила. Напомнила гнусно, мерзко, но очень действенно напомнила, что никуда не исчезла и расслабляться нельзя. Почувствовав приближение очередного хутора, я решил проявить к нему интерес, точнее, проявить интерес к хуторскому огороду. Понимаю, рановато еще, но вдруг. Выйдя на окраину хутора, я сразу понял, что просто так отсюда не уйду. Ожидание еще одной холодной ночи в лесу быстро заглушило и страх попасться на банальной краже, и голос совести. Потому что на заборе висела она – телогрейка, она же фуфайка, она же ватник, классического черного цвета, как раз под мои штанишки. Ползу, попутно дернул несколько морковных стеблей. На то, что находилось под землей, не позарился даже мой оголодавший организм. Забор уже рядом.

Вот сука! Ну, может, конечно, и не сука, а кобель. Но таякать начал в самый неподходящий момент, как настоящая сука, к тому же еще и мелкая. Я уже почти дотянулся до вожаемого предмета одежды. После первого таяка срываю телогрейку с забора и несусь к лесу. Выбираю просвет между деревьями и ныряю в него. Выстрел бухает, когда я уже проскочил первые деревья, пуля с треском входит в ствол дерева, что только добавляет мне прыти. Несусь, как лось, спотыкаюсь и падаю, по лицу хлещут ветки куста. Падение смягчила прижатая к груди добыча, ушиб только локоть правой руки. Подскакиваю на четвереньки и вижу, обо что ударился локтем – винтовка. Да не какая-нибудь образца 1891/30, а блестящая воронением новенькая СВТ. В это время сзади бухает второй выстрел, но пули я не слышу. Подхватываю винтовку с телогрейкой и бегу дальше. При каждом шаге в левом кармане стучит мыльница, а в груди часто бухает сердце. Через полсотни метров просвет. Чуть в стороне от тропинки

на спине лежит человек, точнее, труп в красноармейской форме без пилотки, ремня и сапог. Гимнастерка на груди залита кровью, в ней несколько дырок, на трупе и над ним туча мух.

Несусь дальше, но недалеко. Дыхалки хватило метров на пятьсот, опять падаю, уже сознательно, и жадно хватаю ртом воздух. Килограммов пять я за эти дни потерял, но еще десяток явно лишний. Минуты через три начинаю соображать. Погони вроде не слышно, уже хорошо. Бежал я по тропинке, так легче. А куда здесь может вести тропинка? Либо к другому хутору, либо в деревню. Поэтому сворачиваю с нее, ориентируюсь по солнцу и иду на восток. Еще через километр устраиваю привал, надо отдохнуть и осмотреть трофеи. Телогрейка чуть влажная, ее и повесили сушиться после стирки. Подозрительно осматриваю ткань, есть пара дыр, но явно не от пуль или штыка, похоже, прежний хозяин просто за что-то зацепился.

Откладываю ватник и перехожу к винтовке. Видно, что совсем новая. Над казенной частью ствола выступ, сверху выбиты звезда и год – 1941. На том же выступе слева номер – СГ737. На ум приходит неуместная ассоциация с «боингом». И тут я понимаю, как погиб тот красноармеец. Зашелка магазина, как и положено, располагается за ним. Через десять секунд справляюсь с ней, и магазин оказывается у меня в руке. Так и есть – пустой. Тяну назад рукоятку затворной рамы, поддается, в казеннике тоже ничего нет. Силу приходится прикладывать чуть больше, чем в изделиях товарища Калашникова, который здесь даже еще не старший сержант. А может, просто показалось, давно оружие в руках не держал. Принохиваюсь; нос едва улавливает запах сгоревшего пороха, стреляли как минимум сутки назад, а скорее, даже больше, чем сутки. Парень, как и я, оголодал, потому и вышел к хутору с целью подкормиться. Но чем-то не понравился хозяевам, и пришлось ему бежать. За ним погнались. Он нырнул в тот же промежуток между деревьями, что и я, и также побежал по тропинке. Споткнулся о тот же корень. Падая, инстинктивно вытянул руки вперед, выпустив винтовку, которую держал в правой. Из-за падения дистанция между ним и преследователем сократилась, и как только он попал на открытое место, его подстрелили в спину. Потом перевернули и добили, может, из винтовки, а может, штыком. Ремень со штык-ножом и подсумками, а также сапоги забрали – в хозяйстве пригодятся. Труп бросили там же, мелким падальщикам тоже надо чем-то питаться. Недели через две-три от трупа ничего не останется, даже кости растащит зверье. А винтовку убийца не нашел: она отлетела в густую траву, сверху ее прикрыли ветки куста. Я бы рядом прошел и тоже не заметил. Даже если бы упал и не ударился об нее, то вскочил и побежал дальше, а она так и осталась лежать в траве под кустом.

Отпускаю рукоятку, и затвор послушно идет вперед. По вбитой во время срочной службы привычке нажимаю на спуск, но крючок не поддается. За спусковым крючком обнаруживается какая-то пимпа с дыркой. Инженерная мысль подсказывает, что это и есть предохранитель. Поворачиваю, жму – щелчок. Теперь более или менее понятно, предохранитель здесь блокирует только спуск, а затвор получается сам по себе. Размышляю, что делать с винтовкой. Гражданский без оружия – это одно, а такой же человек, но с винтовкой, уже совсем другое. Могут просто пристрелить, так, на всякий случай. Если немцы поймут, то шлангом уже не прикинешься. Со всех точек зрения от этой находки проблем много, а польза совсем неочевидна. Ну хоть бы патроны были, а так... Чего зря таскать эту железяку? Уговаривая себя, в глубине души прекрасно понимаю – раз уж эта игрушка попала в мои ручки загребушие, то хрен я ее из них выпущу. Хватит отдыхать, винтовку на правое плечо, телогрейку на левое. Генеральный курс – ост.

Первую ночь не стучал зубами от холода. Ватник, правда довольно куцый, руки едва не по локоть торчат, и на животе едва сходится, но мне он сейчас дороже костюма от Хуго Босса. Обошел по самому краю очередное болото и вышел к узкой дороге, накатанной тележными колесами. Вот тут вчерашняя находка мне и пригодилась. Услышав поскрипывание тележных колес, прячусь в придорожных кустах. Низкорослая, но упитанная лошадка бодро тащит пустую телегу, возница один и уже в возрасте. Не понравился мне этот дедок, но у него может

быть еда. Не может такого быть, чтобы из деревни своей уехал, а пожрать не взял. Пропускаю телегу мимо и выхожу на дорогу, для всех она лесная и узкая, а для меня ой какая большая.

– Тормози, диду!

Дед, не торопясь, оборачивается, правая рука ложится на сено, подстеленное на дне телеги. Не нравится мне этот жест.

– Тормози, сказал! – добавляю в голос металла. – И руки держи на виду!

Ствол СВТ смотрит деду в грудь. Сам я сильно оброс за последние дни и в черном ватнике сильно похож на беглого зека.

– Стий, худоба!

Дед дергает вожжи, и лошадка послушно замирает.

– Жратвой поделись.

Дед сопит, вытягивает из-под доски, на которой сидит, узелок и подталкивает его на край телеги. Чтобы его взять, мне надо подойти вплотную. Делаю два шага и замечаю справа от возницы рукоять топора.

– Положи на землю!

Дед бросает взгляд исподлобья, но подчиняется. И все молча.

– Ехай давай!

– Цоб цобе!

Дед хлещет ни в чем не повинную лошаденку батоном, и та резво берет с места. Едва дождавшись исчезновения телеги за поворотом, бросаюсь к белой тряпице. Негусто, но и то хлеб, точнее, четвертина домашнего каравая, очень небольшой кусок сала, луковица, щепотка соли в бумажке. Еще бутылка домашнего кваса, будет в чем хранить воду. Не удержавшись, тут же на дороге съедаю большую часть, остальное завязываю в узелок и иду дальше. Генеральный курс тот же.

Дебют в жанре гоп-стопа удался на славу. По крайней мере завтрак себе я добыл. Но как стремительно вы катитесь вниз, господин, до недавнего времени законопослушный инженер, вчера была кража, сегодня – разбой. А завтра что? Мокрое дело? В таком темпе через неделю можно будет в расстрельную команду записываться. Впрочем, полный желудок остался глух к мукам совести.

К вечеру начал обходить по лесу довольно большую, по местным меркам, деревню. Пока обходил, начало темнеть, пора устраиваться на ночлег. Внезапно нос мой уловил запах дыма, и не просто дыма, а еще и с запахом... Интересно, это у меня на все нюх обострился или только на еду? Кто-то готовил себе ужин на костре. А кто может в такое время прятаться в лесу? Только окруженцы. Осторожно крадусь навстречу усиливающемуся запаху, уже видны сполохи огня. Однако красться по белорусскому лесу и дефилировать по Невскому – две большие разницы. Предательски трещит под ногой ветка, и тут же впереди защелкали затворы.

– Стой, кто идет!

Падаю за ближайшую кочку и отвечаю фразой из старого анекдота:

– Уже никто никуда не идет.

Они меня не видят, мешает наступившая темнота и слепящее пламя костра. Но стволы винтовок направлены в мою сторону, могут сдуру и пальнуть.

– Выходи с поднятыми руками, – командуют от костра.

– Иду, иду, только сразу не стреляйте.

СВТ оставляю за кочкой, сам, подняв руки, выхожу на освещенное место. Над костром висит большой котелок, явно не армейского вида. В нем, булькая, развариваются какие-то зерна. Окруженцев шестеро. Один продолжает лежать, видимо ранен. Из оставшейся пятерки один выглядит чуть постарше, похоже, он здесь главный. Остальная четверка коротко стрижена и по большей части лопоуха, не исключено, что весенний призыв этого года. В бою побывать уже успели, на это указывает и раненый, и вид красноармейцев. Но ремни и подсумки у всех

на месте, без пилотки только один, оружие не бросили. Кстати, об оружии. Неприятно, оказывается, стоять перед пятью стволами, зная, что твоя жизнь сейчас измеряется холостым ходом любого из пяти спусковых крючков.

– Один я, – пробую успокоить красноармейцев.

Тот, что постарше, приближается ко мне, приглядывается и спрашивает:

– А ты, часом, не беглый?

Небритый, грязный, в черном ватнике, ночью по лесу шляется, кто такой? Правильный ответ – столичный инженер, техническая, так сказать, интеллигенция.

– Я не беглый, я беженец. С Брестского поезда.

– А не врешь? – сомневается красноармеец.

– Документы в поезде сгорели, а на счет беглого...

Снимаю ватник и задираю футболку.

– Наколки видишь?

– Не вижу. В лагере, значит, не был. А в Брест зачем ехал?

Сейчас моя легенда должна пройти первую проверку. Рассказываю о своих приключениях, кивают и даже сочувствуют. Оружие опустили, один даже занялся кашей. Дует на ложку, пробует степень готовности. Не удержавшись, сожалеет:

– Еще бы соли сюда.

– Есть у меня соль! – прерываю свое повествование. – Я сейчас.

Возвращаюсь к кочке, за которой прятался, беру СВТ и дедов узелок. Винтовку держу за цевье, так, чтобы не спровоцировать окруженцев на стрельбу. При виде оружия меня снова берут на прицел.

– Да без патронов она.

Кладу СВТ на землю и отдаю кашевару соль, народ сразу веселеет.

– Откуда? – интересуется старший.

Рассказываю. Пока я говорю, он подносит СВТ к огню и оттягивает затвор. Убедившись в моих словах, кладет винтовку обратно. Когда я заканчиваю, он представляется.

– Федор. А на хуторах тут одни куркули сидят, запросто убить могут.

Разговор наш прерывается окончательной готовностью ужина. Его делят на семерых, всем поровну. Красноармейцы раскладывают свои порции, а мне отдают большой и закопченный котелок, но у меня даже ложки нет.

– Подожди, – предлагает Федор, – я тебе свою отдам.

Жду. Едва получив ложку, быстро расправляюсь с разваренной пшеницей. Соли мало, зато попадают кусочки сала, где они его добыли, не спрашиваю. Наевшись, иду мыть посуду к ручью. Получив назад чистую ложку, Федор одобрительно кивает и начинает свой рассказ.

До войны их полк стоял в Селище. После начала войны полк пешим маршем выступил в направлении Барановичей. В поход вышли с указками и досками для занятий, но почти без патронов, без мин, без снарядов. 24 июня около 16 часов главные силы их дивизии, частично уже прошедшие Слоним, попали под фланговый удар немецких танков. В бою дивизия понесла большие потери и начала отступление на восток. Потрепанная дивизия, в том числе и их стрелковый полк, пыталась организовать оборону на рубеже реки Щара, но без боеприпасов удержаться не смогла. Немцы пошли дальше на Минск, а остатки дивизии рассеялись в окрестных лесах. Поначалу в их группе было больше сотни командиров и красноармейцев. Но за полтора дня она растаяла, как поздний снег под майским солнцем. Первыми начали исчезать призывники из западных областей, потом пропали капитан, младший политрук и два лейтенанта с двумя десятками красноармейцев, и пошло-поехало. Народ разбрелся кто куда, в основном в поисках продовольствия.

Вокруг старослужащего Федора собрались земляки-новобранцы. Все они были из одного района Псковской области, или, как ее называли сейчас, Псковского округа. Подвижность

группы сковывал раненый, хоть и легко зацепило парня, а долго идти он не мог. Зерно и сало добыли в одной из деревень, хозяин не посмел отказать группе вооруженных людей. Но взяли по-божески, солдатский сидор пшеницы и добрый шмат сала. Теперь ждут, пока восстановится раненый земляк, и думают, куда податься дальше. Заполучив источник информации с высшим образованием, Федор намеревается использовать его по полной программе.

– Как ты думаешь, инженер, наши победят, или немец верх возьмет?

– Думаю, наши.

– Ага, – тянет Федор. – А скоро?

– Думаю, что нет. Прошлую войну тоже хотели за полгода закончить, а она четыре года тянулась. Эта будет не меньше.

– Четыре года?!

Я и сам только начал осознавать всю серьезность этой цифры.

– Ладно, садитесь ближе, – обращаюсь к остальным, – я хоть и не цыганка, а судьбу дальнейшую вам нагадаю, точнее, несколько судеб. А по какой дорожке идти, вы уже сами выберете.

– Ну, давай гадай, – соглашается Федор.

Народ подтягивается ближе, даже раненый проявляет интерес.

– Первая дорога ведет на восток, к нашим. Только голову на ней сложить легче легкого. Пока здесь сплошного фронта нет, пройти до Днепра не проблема. Но там вас снова в строй и на передовую, а у пехотинца дожить до конца войны шанс невелик, а точнее, считайте, что нет его.

Народ погружается в раздумья.

– Вторая дорожка ведет на запад, в немецкий плен. А плен для вас это смерть. От холода, от голода, от петли, от немецкой пули.

– Выходит, и там смерть, и там смерть. Так в чем же разница? – вклинивается один из красноармейцев.

– Разница в том, что на востоке смерть почетная, в бою, а на западе позорная, конечно, если сам сдался. На войне всякое бывает, только если доведется в плен попасть – сразу бегите. Пока силы есть – бегите. Иначе в лагере вас немцы все равно уморят.

– Да нешто они такие звери? – удивляется один из лопухих. – Мамка рассказывала, что люди как люди. В восемнадцатом году у нас были, и ничего.

– Так это у вас другие немцы были.

– Какие другие? – удивляется лопухий.

– У вас тогда были Вильгельмовы немцы, а сейчас к нам лезут Адольфовы. За двадцать лет многое поменяться успело. Вот их нынешняя политика. Немцам – гут, евреям – капут, русским тоже, а украинцам позже. Что такое гут и капут, переводить надо?

Молчат, немудреный стишок, ухвативший всю суть немецкой политики на оккупированных территориях, они приняли на веру без всяких сомнений.

– А еще дороги у нас есть? – спрашивает Федор.

– Есть, как не быть. Третья ведет вас на север. Только сейчас она закрыта, на ней бои идут, и немцев много, не пройти. Но через месяц-полтора она откроется. А в родных краях у вас тоже два пути. Один в полицаи...

– Куда?

– В полицаи, немецкой власти прислуживать. Партизан ловить, односельчан своих грабить, немцам зад лизать.

– Тьфу, – плюется Федор.

– Не нравится? А некоторые пойдут, еще и с радостью. Только на этой дороге все равно смерть, наши придут – повесят. Но есть другая дорога – в партизаны. В землянке жить, мерзнуть, голодать, от немцев с полициями бегать.

– А дома остаться можно? – опять влазит лопухий.

– Можно, на некоторое время можно. Только потом все равно выбирать придется. Придут к тебе в дом полицаи и предложат: или к ним пойти, или к стенке встать.

– За что к стенке-то? – удивляется второй лопухий.

– За службу в Красной армии.

Притихли, переваривают информацию.

– Четвертая дорога...

– На юг ведет, – перебивает Федор.

– Никуда не ведет. Нечего вам на юге делать, там вы чужие, впрочем, и здесь тоже. В партизаны или полицаи можно и здесь пойти. Лучше в партизаны, только чуть дальше на восток, за линию старой границы. Места там глухие, немцы сильно соваться не станут, а как достанут они народ по-настоящему, он в эти леса валом поперет. Только случится это не раньше чем через полгода. А как вы эти полгода продержитесь, я не знаю. Долго грабить хутора вам не позволят, да так и в банду превратиться недолго. Зато в партизанах шансов выжить больше, по крайней мере, в атаку на немецкие пулеметы ходить не придется. А наши придут – ты с немцами воевал, а не на печи сидел. Правда, потом тебя обратно в пехоту заберут, но до конца войны времени меньше останется, а шансов выжить – больше.

– По-твоему выходит – везде плохо будет. А хорошая дорога у тебя есть, инженер?

– Нет, – отвечаю, – и у меня нет, и у вас нет. Это война. На войне хороших дорог не бывает, все плохие, разве что в тылу сидеть и на продовольственном складе подьедаться, но вам это не грозит, и мне тоже.

– И что же ты нам посоветуешь?

Федор серьезен и напряжен, остальные притихли, ждут ответа.

– Ничего. У вас свои головы на плечах, ими и решайте.

После паузы слово берет Федор.

– Странный ты какой-то. Начальство, оно обычно все за тебя решить норовит, все посылает куда-то, а само не идет. А ты – сами решайте. Но за гадание твое – спасибо, прояснил кое-что. Ладно, земляки, давайте спать, утром еще помаракуем. Степан, ты первым на посту стоишь, дальше Ваня, Егор, Петр. Я – последним.

Оказывается, у них и караульная служба налажена, не ожидал. И обращаются друг к другу по именам. Городские бы кличек понавешали, на них бы и реагировали, а эти деревенские – по именам, хотя в родной деревне у каждого свое прозвище есть. С этими мыслями я засыпаю, и первую за все время здесь ночь сплю спокойно.

Утро начинается с поддержания гигиены. Выясняется, что зубная щетка есть только у меня. Пока окруженцы готовят завтрак – ту же пшеницу с салом, но уже без соли, и обсуждают свою дальнейшую судьбу, решаю разобраться со своей находкой. Выпрашиваю у Федора шомпол с ершиком и масленку. Магазин снимаю быстро, а дальше дело не идет – не могу снять крышку ствольной коробки. Минут пять пытался, не получается. Аж злоба взяла, кандидатскую защитил, а с этой железякой не справлюсь? И ведь разобрался! Вперед, вперед ее надо двигать! Вперед до упора и вверх. Дальше пошло быстрее. Возвратный механизм снял без проблем, он похож на «калашниковский», но только разборный. Раму с затвором – назад и вверх. Готово. Теперь ствол можно почистить. Надраиваю его до зеркального блеска; Федор неодобрительно наблюдает за сверхнормативным расходом масла, но молчит. К газовому механизму подлезть не рискую, для этого надо снимать ствольные накладки. Ударно-спусковой механизм снять тоже не смог, а сверху к нему подбираться неудобно, но смазал, как смог.

Только теперь, разглядывая разложенные на тряпице детали СВТ, я смог хоть немного оценить технический гений Михаила Тимофеевича. Мы, выросшие в эпоху АК и его потомков, не очень понимаем те дифирамбы, которые поют его создателю. Мы привыкли к нему, для нас «калаш» естественен, как воздух. Он был, когда мы пришли в этот мир, и останется после нашего ухода. И только те, кто успел послужить и повоевать с изделиями Мосина, Дегтярева,

Токарева, Шпагина, Судаева, могут дать настоящую оценку автомату Калашникова. Понимаю, как непросто было Токареву сделать полуавтоматическое оружие под мощный винтовочный патрон. Намного сложнее, чем под промежуточный. Получилось оно намного тяжелее, сложнее в изготовлении и эксплуатации, менее надежным, а тут еще и возможность заряжания из обойм трехлинейки. Собираю винтовку, вроде получилось, лишних деталей не осталось. Передернул затвор – работает, теперь бы попробовать зарядить.

– Федор, а Федор, – отвлекаю старшего от обсуждения.

– Чего?

– Патронами не богат?

Федор лезет в подсумок и достает две обоймы, я понимаю, что последние. Одну он протягивает мне, вторую кладет обратно.

– Спасибо, друг.

– Да ладно.

Вырезы под обойму в крышке ствольной коробки можно не искать, но с затвором пришлось повозиться. Я-то искал затворную задержку снаружи ствольной коробки, а она оказалась внутри! И на задержку затвор становится только при вставленном в винтовку пустом магазине! После того как затвор остался, наконец, в заднем положении, вставил обойму в пазы. Нажал на патроны сверху, тр-р-р-р, и патроны оказались в магазине. Лихо! Пока запасных магазинов нет, придется пользоваться таким способом; где бы еще патроны взять. Пустую обойму теперь можно выбросить. Магазин долой, чтобы первый патрон из магазина не оказался в стволе, стрелять в ближайшее время не придется. А как вернуть затвор в переднее положение? Оказалось просто – оттянуть чуть назад и отпустить. Щелчок курка, магазин на месте. Готово!

А тут и завтрак подоспел. Без соли невкусно, и пшеница на дне котелка подгорела, но выскребаю все до дна. Может, это вся моя еда на сегодня, а то и на завтра, привередничать не приходится. Когда я собираюсь идти мыть посуду, меня останавливает Федор.

– Оставь, я сам помою. Ты с нами или...

– Или. Я на восток. Человек я гражданский, и по возрасту в первую цепь меня уже не пошлют. А вы что решили?

– Мы тоже на восток, только до старой границы.

– В партизаны.

Он кивает.

– Тогда идем вместе.

Даже при наличии раненого в группе скорость движения увеличивается. Теперь не надо обходить хутора и деревни, прятаться в лесу и избегать людей. И в местных деревнях, оказывается, живут нормальные люди. Точнее, люди в них живут разные, есть, конечно, и всякая сволочь, но, как и везде, нормальных большинство. В одной из деревень нас кормят, всех семерых, еду приносят из трех разных домов. Приносят не под угрозой оружия, сами. Надо только знать, в какой дом обратиться. В богатом не дадут, если только не припугнуть оружием, в бедном и дали бы, но нечего. Надо обращаться к середнякам, но как определить их дома? Для меня они все достаточно убогие, но мои попутчики, выросшие в деревне, ориентируются безошибочно. В дорогу нам дают несколько караваев домашнего хлеба с изрядной примесью картофеля, а мне предлагают серую полотняную торбу. Беру с большой благодарностью, теперь не придется тащить свой скарб в узелке. Хозяин дома дарит мне деревянную ложку – невероятно ценный предмет в моем положении. Замечаю, что на шестой день пребывания здесь уже успел обрести имуществом, эдак к Днепру на танке приеду.

Еще одно подтверждение преобладания хороших людей получаем несколько часов спустя. После полудня мы вышли на приличное шоссе, идущее с юга на север. Дорога, ведущая на восток от этого перекрестка, накатана только телегами, в одну колею. Пока обсуждаем, стоит ли

попробовать свернуть на юг или на север, с севера приближается телега. В телеге две женщины, трое детей, узлы, возница идет рядом. Переговоры берет на себя Федор.

– Здорово, отец!

– Приветанне, сынку! – отзывается возница.

По возрасту Федор вполне годится ему в сыновья.

– Скажи, куда это шоссе ведет?

– Туды, – мужик показывает в ту сторону, откуда приехал, – Слуцк будзе. Тольки вы туды не хадзице, у Старобине немцы. З учорашняга дня. Пакуль тольки курэй ловяць, на нас уваги ниякага не звяртаюць. Я вырашив, ад граху, сямью у вёску павезци.

– Спасибо, отец!

– Бывай здаровы, сынку.

Телега катит дальше, мы провожаем ее взглядом. Мало ли на Руси хороших людей, а вот встреча с ними всегда в радость. Сколько немцев в Старобине, мы даже не спросили, нам все равно. Сейчас для нас и одно отделение – много.

– Туда?

Указываю я на узкую грунтовку напротив нас, но прежде чем Федор успевает ответить, кто-то из его земляков восклицает.

– Танки!

– Тихо! – рявкает Федор.

Все замирают. Лязг гусениц слышен уже довольно отчетливо. Нас буквально сдувает в лес на противоположную сторону шоссе.

– Стой! – останавливаюсь я. – А вдруг наши? Надо будет предупредить, удрать всегда успеем.

Прячемся в придорожных кустах. По мере приближения неведомой гусеничной техники, у меня зарождаются сомнения не только в том, что это танки, но и в их множественном числе. Конечно, звук местной бронетехники мне не знаком, но уж больно напоминает обычный трактор. С той же дороги, по которой пришли мы, на перекресток действительно выезжает трактор, но не совсем обычный. Короткий, узкий и высокий, закрытая кабина сдвинута вперед до уровня радиаторной решетки, сзади прилеплен короткий кузовок, а на прицепе... Только когда глаза протер, заметил отличия. Закрытая брезентом пушка явно выше и не такая массивная, отсутствует щитовое прикрытие, а четырехколесная повозка имеет пружинную подвеску. Я такие только в Артиллерийском музее видел – полуавтоматическая зенитка восемьдесят пять мэмэ.

Окруженцы, радостные такие, на дорогу рванули. И чего обрадовались? Подумаешь, трактор с пушкой. Сцепка встала поперек шоссе, из кабины выбрались лейтенант-артиллерист и механик-водитель. Все сбежали, стоят, руками машут, того и гляди, еще обниматься начнут, а раненому кто поможет? Только я. Эх, молодежь, молодежь... Когда наша парочка доковыляла до шоссе, там уже все решили.

– Лейтенант согласился нас подвезти! – радуется Федор.

Тут же выясняется, что посадке в транспортное средство никто их не учил. Погрузили раненого и полезли всей толпой вместе с винтовками. Здесь в моде больше пешие марши, передвижение на технике – роскошь. Дожидаюсь, пока все окажутся в кузове. Протягиваю Федору СВТ.

– Держи!

Без помех забираюсь сам, забираю винтовку обратно. В кузове, кроме нас, находятся четыре зеленых ящика. Поехали. Трактор ныряет на узкую дорогу, по кабине хлещут ветки. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, а едем плохо, скорость не больше десяти километров в час, и трясет неимоверно. Тракторные тележки лишены всякой амортизации. Амортизатор

он ведь денег стоит, да еще и сломаться может. Километров через пять раненому становится хуже. Федор стучит по кабине, трактор останавливается.

– Дальше мы пешком, товарищ лейтенант.

Хотя они и так уже почти пришли. Насколько я помню, в эту лесисто-болотистую местность немцы сунулись только один раз, весной сорок второго. Но как только армейские части были отправлены на фронт, здесь опять появился партизанский район, куда немцам и их прихвостням вход был заказан. А лейтенант мне нравится, с понятием, хоть на вид совсем пацан. Другой бы на его месте попытался построить окруженцев, и аля-улю. А этот слова не сказал, понял, что дороги у них разные. За секунду принимаю решение.

– Товарищ лейтенант! Разрешите обратиться!

Лейтенант оборачивается ко мне. Пересматриваю свою оценку, не «пацан», год, а то и два успел после училища прослужить.

– А вы кто?

О как? Вы! Объясняю, коротко не получается.

– И что вы хотите?

– Возьмите меня с собой.

Лейтенант бросает взгляд на надульник СВТ, торчащий над моим плечом, и задает только один вопрос:

– Патроны есть?

– Пять штук.

У лейтенанта наган в кобуре, водитель без оружия. Неожиданно лейтенант улыбается.

– Я лейтенант Костромитин, Сергей. Поехали!

Прощаясь с окруженцами,жимаю руки и лезу в кузов. Трактор дергает пушку и медленно набирает скорость, по кабине хлещут ветки. Поехали.

Глава 2

Пока трясусь в кузове, изучаю надписи на ящиках. Первая строчка: 85-52К оск. Здесь все понятно, восемьдесят пять – калибр в миллиметрах, с ним я угадал. Пятьдесят два ка – индекс орудия. Оск – осколочный, самый массовый снаряд для зенитной артиллерии среднего калибра. Вторая строка: 4 шт. + +. Четыре штуки и два таинственных плюса. Всего, стало быть, шестнадцать. Снарядов к пушке у нас больше, чем патронов у всех троих, вместе взятых. В той же строке ближе к краю: 23-40-24. Совсем непонятно, могу только предположить, что сорок – это год выпуска. Третья строка: брутто 82 кг. Хренасе ящичек! На торце еще набор цифр: 46-23-40. Видимо, сорок – это действительно год, а остальные цифры – номер партии. И еще одна надпись АТ/80. Аммотол? Возможно. Надписи на всех ящиках совпадают, выходит, все они из одной партии, это хорошо, а вот то, что бронебойных нет – плохо. Впрочем, в нашем положении количество снарядов роли не играет, пушка сама по себе не стреляет, ей расчет нужен, причем обученный. А нас только трое, и пока мы будем переводить пушку в боевое положение, нас самих несколько раз на ноль помножат.

Трактор проезжает несколько небольших деревень. Все дороги здесь проложены по деревенским улицам. Похоже, война пришла сюда вместе с нами. Люди провожают наш тягач взглядом, понимая, что не просто так занесло в их края такую технику. Между тем на самом большом доме в каждой деревне висит красный флаг. Отвык я уже от них, но придется привыкать заново и язык держать на привязи. Если в западных областях население привыкло к смене власти и особым эмоциям от этого не испытывает, то здесь к советской власти привыкли и перемен не хотят.

В сумерках добираемся до деревни Новоселки. Деревня с таким названием есть практически в каждой области, а зачастую и не одна. Останавливаемся у дома с красным флагом. Лейтенант идет искать председателя сельсовета. Я тем временем знакомлюсь с водителем трактора.

– Петрович, – представляется он. – Вообще-то, я Иван Петрович Семяхин, но все меня Петровичем зовут, даже товарищ лейтенант.

Петровичу двадцать четыре года, он окончил семилетку, что по меркам этого времени звучит гордо, и курсы трактористов. В армии служит третий год, все время механиком-водителем транспортного трактора СТЗ-5. Полк их входил в Барановичский бригадный район ПВО. Когда немецкие танки вышли на подступы к Барановичам, полк получил приказ передислоцироваться в Минск. Советский устав этого времени не предусматривал использование зенитной артиллерии среднего калибра для организации противотанковой обороны. Уходили в большой спешке, взяв минимум боеприпасов. Трактору Петровича не повезло – забарахлило магнето. С отставшим тягачом остался и командир огневого взвода лейтенант Костромитин. Поломка, в общем-то, пустяковая, на полчаса всех дел, но эти полчаса оказались роковыми. СТЗ уже почти готов был продолжить движение, когда на дороге появилась немецкая разведка. Расчет бросился к лесу. Немцы выпустили по бегущим не очень прицельную очередь и покатали дальше на Минск.

Стоящий на обочине тягач внимания немцев не привлек, на брошенную технику они уже насмотрелись, а движению по шоссе он не мешал. На это и обратил внимание лейтенант, правда, к тому времени около него остался один Петрович. Остальные стремительно растворились в зеленом массиве, и найти их не удалось. С наступлением темноты движение по шоссе прекратилось, и они рискнули вернуться к оставленной технике. Ремонт Петрович закончил на ощупь, буквально за минуту. СТЗ, не включая фар, добрался до первого поворота и свернул с шоссе вправо. Можно было поискать счастья на двух дорогах, ведущих на восток. Одна шла через Несвиж на Осиповичи, вторая – через Слуцк к Бобруйску. Однако обе они шли по открытой местности, и неторопливый тягач мог стать легкой добычей для немецкой авиации.

К тому же он не мог соперничать в скорости с немецкими танками. Поэтому и решил Костромитин проскочить теми дорогами, где танки не догонят и авиация не достанет. Так они оказались на том перекрестке, где мы их и встретили.

Петрович сильно горевал об утраченном карабине. Когда расчет драпанул в лес, карабин оставался в кабине. А когда вернулись, его уже не было. Все было на месте, а карабин таинственным образом исчез. Кто и когда прибрал его к рукам, ни Петрович, ни лейтенант не заметили. Повествование водителя было прервано появлением лейтенанта вместе с местным мужичком – председателем сельсовета. Тот сразу предложил:

- Хадзем да мяне. Хата у мяне вялікая, месца на усах хопіць.
- А тягач? – забеспокоился Петрович.
- Свае не крануты, а чужых у вёсцы няма, – успокоил его председатель.

Много ли нужно человеку для счастья? Крышу над головой, сытый живот и ощущение безопасности. Это для начала. Потом возможны варианты. Кому-то захочется зрелищ, кому-то – выпить, а кому-то – ба..., пардон, женщину. Или мужика, если смотреть с точки зрения лучшей половины человечества. Ну и так далее. Постепенно список растет, и лишь немногие могут позволить себе иметь из этого списка все или почти все. Вот тут-то эти почти все имеющие и обнаруживают, что обладание этим почти всем счастья, отнюдь, не гарантирует. Очень быстро наступает пресыщение, и они опять начинают искать радость жизни в самых простых вещах. Круг замыкается. Вот только подавляющее большинство так никогда его и не проходит, жизнь их обрывается, когда они еще пытаются найти свое счастье. А есть те, кто счастье находит, и сходит с этого круга вечного поиска. Мы же сейчас находимся на самой нижней ступени, мы живые, сытые и довольные сидим за столом в председательской хате и добиваем большую миску картофельных драников, макая их в сметану.

После завтрака лейтенант делает мне замечание.

- Приведите себя в порядок. Вы же образованный человек, инженер. А вид у вас...
- Есть, привести себя в порядок!

Попросил у Петровича опасную бритву, взбил в горячей воде мыльную пену и приступил. Сонные артерии мне удалось сохранить целыми, но остальная площадь покрылась изрядным количеством порезов. После бритья вид у меня, будто я подрался с котом или приставал к женщине с очень острыми ногтями, а она отчаянно сопротивлялась. Что вы хотите, первый раз имею дело с этим инструментом. Лучше бы не брился. Здесь никто понятия не имеет, что такое крем после бритья. Как они живут? Вместо крема делаю холодный компресс, чистая тряпка покрывается бурыми пятнами, но из некоторых порезов кровь продолжает идти. Петрович дает мне цилиндрик, именуемый квасцами. Замазываю порезы и присоединяюсь к Петровичу, копающемуся в потрохах своего СТЗ.

Тракторный двигатель производит на меня впечатление. Тяжелый, малооборотный, мощностью чуть больше полусотни дохленьких лошадок. Зато жрет все, вплоть до керосина и лигроина. У него даже баков два. Один, маленький, для бензина, на нем он заводится, а потом переходит на тяжелое топливо из большого бака. Всеядность двигатель компенсирует прожорливостью. С прицепленной пушкой расход запросто переваливает за двенадцать литров. Нет, не на привычные сто километров, а в час. Вот на этом расходе мы и погорели. Сунувшись в бак, Петрович вдруг заявил, что вчера при петлянии по полесским дорогам трактор сожрал слишком много и теперь топлива хватит еще километров на пятнадцать, от силы на двадцать. Лейтенант побежал к председателю, назад возвратились уже вдвоем.

– Няма у мяне газы, – разводит руками председатель. – Прайду па вёсцы, у людзей спытаю, можа, і дасць хто.

Не перестает удивлять меня наш народ. То за копейку удавиться готовы, то последнюю рубашку снимают. Причем гадать, как поступят в конкретном случае, бесполезно, все равно

ошибешься. Ведь немцы их керосином снабжать не будут, и они это прекрасно знают. Тем не менее несут. Несут в бидонах, в стеклянных бутылках, заткнутых пробками из старых газет, кто литр, кто пол-литра. Для нас каждый литр – это еще один пройденный километр, а для них две-три недели освещенной по вечерам жизни. Потом они перейдут на лучину. И все ради спасения одной-единственной пушки. Причем десятки, если не сотни, таких же пушек стоят сейчас на обочинах дорог и брошенных огневых позициях, и никто не думает их спасать. А эту вот готовы спасать всем миром. Почему так происходит? Не понимаю. Всего набирается около пятнадцати литров.

– Праедзыце да Карпилавки, – советует председатель. – Да яе кіламетраў трыццаць. Там ёсць МТС.

Тридцать километров это на грани, однако другого выхода нет. Благодарим людей за помощь и прощаемся с гостеприимными Новоселками. Теперь все наши дороги ведут в Карпиловку. До цели не дотянули километра три. Двигатель чихает и глохнет прямо посреди дороги, приехали. Оставляем Петровича с техникой и идем добывать горючее. Карпиловка – это местный районный центр с атрибутами советской власти, положенными глубокой провинции. Нам приходится пройти пару бюрократических кругов, прежде чем мы становимся обладателями двух бидонов: десятилитрового, с керосином, и пятилитрового, с бензином. Даже не рискую предположить, какое октановое число у этой жидкости, но Петрович заливает все в СТЗ без колебаний. Похоже, этот двигатель будет работать и на флотском мазуте. В местной МТС нам доливают еще тридцать литров керосина. На большее щедрости райисполкома не хватает. Нас отправляют в Паричи, до которых еще тридцать километров, военная техника заправляется там из фондов тамошнего военкомата.

В Паричи добираемся уже вечером, расспросив местных жителей, находим военкомат. В военкомате у нас первым делом проверили документы. Точнее, проверили у Костромитина с Петровичем, а мою бездокументную личность задержали и отвели на допрос. Винтовку я оставил Петровичу. Допрашивал старший лейтенант, местный военком. Прежде чем приступить к допросу, он спросил:

- Что у тебя с лицом?
- Это я побрился неудачно.

Дальше посыпались стандартные вопросы. Фамилия, имя, отчество? Год и место рождения? Партийность? Происхождение? В ответах стараюсь не врать, чтобы на мелочах не засыпаться. Наконец формальности закончены, начинаются вопросы по существу.

- Где твои документы?
- Сгорели вместе с вещами в поезде, двадцать второго июня.
- В каком поезде?
- Ленинград – Брест.

Стараюсь отвечать как можно короче.

- Цель поездки в Брест?
- Командировка.
- В какую организацию?
- Брестский энергокомбинат.

В какой форме работают местные энергетические организации, я уже выяснил.

- Цель командировки?
- Техническая помощь местным товарищам.
- Почему послали именно тебя?
- Это вопрос не ко мне. Пришла разнарядка из наркомата, начальство выбрало меня.

Если спросит, из какого наркомата – засыплюсь. Надо уводить допрос от этой скользкой темы.

– Я понимаю, товарищ старший лейтенант, что выгляжу подозрительно и документов у меня нет, но поверьте...

– Да верю я тебе, верю, – неожиданно прерывает меня военком. – Вот потому, что выглядишь подозрительно и документов у тебя нет, я тебе и верю.

Оказывается, сегодня утром в Паричах появилась полуторка. В кабине водитель и командир, в кузове несколько красноармейцев. В военкомате они получили продовольствие и заправили машину. Потом переправились на левый берег. Переправившись, напали на паромщика. Тот прыгнул в воду и сумел от них уйти. Тогда они попытались поджечь паром, закатив на него бочку с бензином, но горел тот плохо, и пожар быстро потушили, переправа продолжила свою работу.

– Так вот, у них все документы были в порядке. В полном порядке, не придерешься. Я сам проверял. Они, кстати, сейчас на левом берегу, там же, куда и вы собираетесь, поэтому осторожнее там.

– А нам всегда надо быть осторожными, товарищ старший лейтенант. У нас на троих два ствола и двенадцать патронов.

– Зато у вас пушка есть, – парирует военком, – с патронами туго, но что-нибудь найдем. И тут мне в голову приходит гениальная мысль.

– Товарищ военком, а можно меня в Красную армию призвать?

– Тебя? – удивляется старший лейтенант. – Нельзя. Ты не житель нашего района, документов у тебя нет и возраст не призывной.

Минут десять уговариваю военкома, вызывая к его чести, совести, долгу Родине и так далее. И ведь уломал. Главным фактором стало то, что сегодня начались бои за Бобруйск, а значит, в любой момент немцы могут прийти сюда, где никаких войск нет. Военком вызвал Костромитина.

– Ну что, лейтенант? Возьмешь к себе пополнение? – кивает на меня военком.

– Возьму, товарищ старший лейтенант.

– Ну, добро, ты пока иди, мы его сейчас оформим.

Решаю отжать ситуацию по максимуму.

– Товарищ старший лейтенант, если я уже боец Красной армии, то нельзя ли мне найти хоть какую-нибудь обувь?

Мои летние туфли с честью выдержали многокилометровый марш по лесным дорогам и бездорожью, но сейчас уже близки к развалу. Войдя в мое положение, военком отправляет на вещевой склад сержанта с приказом найти самые большие сапоги. Пока сержант ходит, я становлюсь обладателем шикарной справки о призыве меня в Красную армию. Фотографии на справке нет, зато стоит настоящая печать Паричского военкомата. В графе «Место назначения» значится «в распоряжение лейтенанта Костромитина». Теперь я с лейтенанта должен пылинки сдувать, он моя единственная легальная зацепка в этом времени. Сержант приносит отличные яловые сапоги, явно предназначенные для комсостава. Своего владельца они не нашли только благодаря своему размеру, не заносило в Паричи большеногих командиров.

– Сапоги принес? – интересуется военком у сержанта.

– Принес, товарищ старший лейтенант.

– А портянки где?

Сержант срывается с места, видно, грозный военком в Паричах. Выйдя во двор, застаю там только закрытую брезентом пушку и лейтенанта с моей СВТ.

– А Петрович куда исчез?

– В МТС поехал. Что-то у него с коробкой, там обещали помочь с ремонтом.

Пока я переобуваюсь, меня находит военкоматовский сержант и передает мне караульную норму – пятнадцать патронов в трех обоймах. Костромитин расписывается в журнале. В Паричах мы задерживаемся еще на один день – ремонт нашего трактора затягивается. Хорошо,

что сделан он на базе обычного сталинградского трактора, никаких проблем с ремонтом, и запчасти можно найти даже в сельских МТС.

Пока наше орудие стоит во дворе военкомата, к нам то и дело подходят местные жители и спрашивают, чего это мы, зенитчики, не стреляем по немецким самолетам, изредка пролетающим над поселком. Лейтенант объясняет им, что у нас только два человека, а нужен полный расчет, что без ПУАЗО и дальномера стрельба одним орудием – бесполезный расход боеприпасов, а снарядов у нас всего шестнадцать штук. Наивный ты человек, лейтенант. Когда к нам с ехидным вопросом подкатывает очередной дедок, объяснения я беру на себя.

– Если мы стрелять начнем, то немцы нас обозначат как цель для своей авиации и будут бомбить. Ты, дед, этого хочешь?

Не хочет. Паричи бомбили в первый же день войны. Точнее, бомбили – это громко сказано. Видимо, паромная переправа в Паричах значилась у немцев резервной целью, и два самолета, не отбомбившихся по основной цели, сбросили бомбы на нее. В паром, естественно, не попали. Первая бомба полностью разрушила дом и убила всю проживавшую в нем семью, вторая взорвалась на улице, около пристани. Поселок получил наглядное представление о бомбежке с воздуха.

Переправляемся через Березину в последний день июня. Переправляемся в два приема: трактор вместе с пушкой для местного парома слишком тяжел. Сначала Петрович задним ходом загоняет пушку на паром, на левом берегу мы скатываем ее с парома вручную при помощи местных жителей. Вторым рейсом переправляем трактор и цепляем к нему орудие. Там же, на переправе, впервые встретились с беженцами. Некоторые просили Костромитина взять их с собой, лейтенант, добрая душа, согласился. Так моими соседями в кузове становится молодая еврейская семья. Пока тряслись по дороге на железнодорожную станцию Красный берег, разговорились.

Ефим Соломонович, сотрудник минской конторы, ведавшей государственными резервами, был командирован в Пинск. С собой он взял молодую жену, студентку минского медицинского института. Добраться до Пинска он решил через Брест, так было быстрее. Поезд Минск – Брест попал под удар немецкой авиации гораздо ближе к Бресту, чем мой, и люди, сумевшие покинуть поезд, уже через несколько часов оказались на оккупированной территории. Ефим и его жена стояли на обочине шоссе Брест – Минск, а мимо них шла колонна танков и мотопехоты. Там же, около шоссе, они спрятали два паспорта с еврейскими фамилиями и карточку кандидата в члены ВКП(б). За любой из этих документов немцы к стенке поставят без разговоров. А дальше начались скитания по дорогам белорусского полесья. Ефим Соломонович был уверен, что их путешествие скоро закончится. Ему только надо перебраться на левый берег Днепра, пристроить жену к дальним родственникам и явиться в районный военкомат для отправки на фронт. Утрата документов его не смущала, по роду своей деятельности он объездил практически всю Белоруссию и многих военкомов знал лично. В том, что немцев за Днепр не пустят, он был свято уверен. Переубеждать его я не стал, правоверный еврей-коммунист мог запросто стукануть куда надо о распространителе пораженческих настроений.

Немцев он ненавидел люто и по поводу их отношения к своему народу никаких иллюзий не испытывал. В Белоруссию успело перебраться некоторое количество польских евреев, и бесчинства, творимые немцами в отношении еврейского населения Польши, секретом для их белорусских соплеменников не являлись. Другое дело, что, в отличие от моего собеседника, большая часть еврейского населения, особенно проживающего в глухой провинции, информации этой не верила. Они еще помнили немецкую оккупацию 1917—1918 годов, когда никаких особых притеснений евреи не испытывали. Польская оккупация 1919—1920 годов была для них гораздо более жесткой. Вот и сейчас они надеялись, что все обойдется, и все страшилки окажутся только слухами. Соломона и его жену изумлял и возмущал добровольный отказ соплеменников от эвакуации. Кстати, сами они внешне от местных жителей почти не

отличались. Не сказал бы Ефим о своей национальности, я бы вовек не догадался. Одеты они были, как местные жители, на голове у женщины была белая косынка, скрывающая курчавые волосы. У немцев были большие проблемы с выявлением лиц еврейской национальности. Для этого они использовали местных опознавателей, те хоть в паспорт и не смотрели, но никогда не ошибались.

До Красного берега добираемся к двум часам после полудня. В километре за станцией проходит дорога Бобруйск – Жлобин. Костромитин предлагает повернуть направо к Жлобину, я агитирую его продолжить движение прямо, на Рогачев. В качестве основного аргумента выдвигаю наличие хорошего шоссе, ведущего от Рогачева на восток, с небольшим уклоном к северу. Дескать, наличие такого шоссе позволит нам быстрее добраться до своих и дальше получить направление в зенитно-артиллерийскую часть. Лейтенант, в конце концов, не выдерживает и срывается.

– И далеко вы драпать собрались, товарищ инженер? До самого Урала? Или еще дальше?

Подобного рода заявления безнаказанными оставлять нельзя. Я тоже перехожу на повышенный тон.

– А какого ж тогда хрена, товарищ лейтенант, вы притащили сюда эту железяку аж из-под самых Барановичей? Надо было еще тогда, на Минском шоссе, дать немцам последний и решительный, у местных хотя бы керосин остался. Да и сейчас еще не поздно, поворачиваем налево, и на Бобруйск, там сейчас фрицев, как грязи. Вот и врежем по ним всеми шестнадцатью. Вот только сомневаюсь, что хотя бы половину выпустить успеем.

Пока Костромитин ищет ответную аргументацию, усиливаю натиск.

– Уж если вы взялись спасать материальную часть, то спасайте ее до конца. В героев сыграть мы все еще успеем.

– Хорошо, – соглашается лейтенант, – черт с тобой, идем на Рогачев.

На самом деле, я помню, что Рогачев наши оставили без боя в самом начале июля, поэтому у нас есть шанс проскочить на левый берег, не ввязываясь в драку. Жлобин немцы взяли дней на десять позже, после серьезных боев. Попасть в Жлобинскую мясорубку мне вовсе не улыбается. А потом Днепр форсирует корпус Петровского, и у нас появляется шанс остаться там надолго. К тому же, если застрянем в Жлобине, гарантированно попадаем в окружение, после знаменитого поворота Гудериана от Смоленска на юг во второй половине августа. А окружения мне категорически противопоказаны, я и так насквозь весь подозрительный. Но до этого времени у нас есть еще месяц, чтобы успеть проскочить за Рославль.

Едва наша сцепка свернула на Рогачевское шоссе и еще не успела проехать через железнодорожный переезд, как стало ясно – застряли мы тут надолго. По крайней мере до завтрашнего утра точно. Проезд по мосту через Друть был перекрыт бдительным постом, проверяющим документы и досматривающим проходящую технику и подводы. Среди проверяющих мелькали зеленые фуражки. Перед постом скопилось огромное количество людей, подвод, запряженных лошадьми, гражданских и военных машин, тракторов. Если прилетят немцы, то... Но у немецких асов, видимо, хватало других целей, а мосты они пока не бомбили, наоборот, пытались сохранить. Мосты были нужны их наступающим танкам. Этот район Рогачева был полностью отстроен уже после войны. Ни одного знакомого здания я, естественно, не увидел. Хорошо знакомое здание молочно-консервного комбината, слева от шоссе, также отсутствовало. Да и сам деревянный мост ничуть не напоминал виденное раньше железобетонное сооружение.

Через мост тек тоненький ручеек прошедших проверку. Я постарался прикинуть время прохождения и убедился, что преодолеть нам его сегодня явно не светит. Никогда не понимал задач подобных постов. Диверсантов и шпионов ловить? Не смешно. Сказочку про нержавеющую проволоку для скрепок мы слышали многократно. Но сами же и говорят, что на документах сыпался только один из десяти. Так что нормального шпиона этим бдительным товарищам

поймать вряд ли удастся. Мост охранять? Ну, так охраняли бы, чего к людям зря цепляться. Тем более что оба моста скоро достанутся немцам абсолютно целыми. Может, они тут дезертиров выявляют? Но дезертир сюда точно не попрется, только если совсем тупой. А тот, кто поумнее, этот пост обойдет. Хотя я сильно сомневаюсь, что поимка десятка дезертиров стоит таких проблем для всех остальных. Но нам, с нашей сцепкой полной массой под десять тонн, другого пути нет, остается только ждать своей очереди.

СТЗ сворачивает на обочину, и Петрович глушит двигатель. Из кабины выбирается лейтенант.

– Говорил же, что на Жлобин нужно было идти!

Это уже в мой огород.

– А вы думаете, товарищ лейтенант, что там народа меньше будет?

Костромитин аж сплюнул с досады.

– Ну его к черту, этот мост, пока до него ползти будем, все горячее спалим. Ждем до утра, авось утром народа меньше будет.

Предложение лейтенанта не лишено смысла, притока новых беженцев со стороны Бобруйского шоссе не наблюдается, а ночью кто-то вряд ли подтянется. За ночь толпа сильно уменьшится, и к мосту мы должны проехать существенно быстрее. Вот только, насколько мне помнится, немцы заняли Рогачев в самых первых числах июля. Надеюсь, что действительно в первых числах, а не в самый первый день. Наши попутчики ждать не хотят, и мы расстаемся с ними.

С утра проскочить мост не удастся – подводит техника. Из-за дрянного топлива засорился карбюратор, и Петрович, разобрав, чистит его. Я работаю на подхвате, подаю ключи, инструмент, держу какую-нибудь деталь, если надо. Наконец жиклер продут, мусор из поплавковой камеры убран, сам поплавок отрегулирован. СТЗ плюется сизым выхлопом, скрежещет включаемой передачей и, лязгая гусеницами, влезает в очередь, ведущую на мост. Наблюдаю за работой «зеленых фуражек», документы проверяют тщательно, неторопливо. Вот отогнали в сторону гражданскую полуторку, а пассажиров отправили дальше пешком. Машина остается у поста, видимо, мобилизовали в армию явочным порядком. Еще двоих отвели в ближайший от моста дом, видимо, на дополнительную проверку. Один из них вернулся минут через десять, отдал пограничнику какую-то бумажку и продолжил путь, второй так и остался в доме.

Подходит и наша очередь, меня охватывает сильное беспокойство, прокатит ли моя справка из военкомата и хватит ли поручительства Костромитина, что я не шпион. Эти ребята на таких, как я, карьере делают: чем больше подозрительных задержал, тем лучше показатели, начальство с благоволением смотрит. А мне сидеть «до выяснения». А что выяснится, еще неизвестно. Точнее известно, что ничего не выяснится. Нет меня в этом времени, точнее, физически я есть, а по бумагам меня нет, нигде не числюсь. А без бумаги... И к стенке могут запросто поставить, так, на всякий случай, как сильно подозрительного. Мне даже штрафная рота не светит, да и нет их еще, почти через год появятся. И танки немецкие могут появиться здесь уже завтра, а вот с ними мне встречаться совсем уже не хочется.

СТЗ продвигается еще на десять метров. Теперь перед нами трехтонный ЗиС, телега, запряженная парой лошадей и забитая какими-то узлами, дальше мы. Справа и слева хлипкие ограждения, еще правее пропускают пешеходов. За нами набирается здоровенный хвост, от Бобруйска подходит новая техника, подводы, люди. Неожиданно по этой реке проходит продольная волна, и в ее колыхании я отчетливо различаю два слова «немцы» и «танки». Ошибся! Сегодня! Сегодня, в первый день июля! Я подскакиваю с ящика, стучу по кабине и воплю во всю глотку.

– Петрович! Гони!

Костромитин высовывается из дверцы, оценивает обстановку и принимает решение.

– Газуй влево!

Петрович дергает рычаги фрикционов, СТЗ прыгает вперед, дергая пушку и подминая под гусеницы задок телеги. Дико ржут кони, вопит возница, трещит дерево. Тягач, едва не намотав на гусеницы лошадей, ломает хлипкий барьер и вываливается на встречную полосу. Бросившиеся навстречу пограничники отскакивают в стороны, кто-то рвет с плеча винтовки. ЗиС сбивает самодельный шлагбаум из тонкой жердины и едва успевает проскочить на мост перед нами. СТЗ плюется выхлопом, ревет движком, со скрежетом включается повышенная передача, и наша скорость увеличивается километров до пятнадцати в час. Я оглядываюсь назад, толпа смела все заслоны, смяла охрану моста и бежит за нами. Какой-то красноармеец успел запрыгнуть на повозку и едет, держась за ствол пушки. Допроверялись. Страшно подумав, сколько народа передают в этой охваченной паникой толпе.

Дамба, по которой идет дорога, ненамного шире моста, но Петрович выжимает из СТЗ все, что можно. Основную толпу мы обогнали, а те, кто проскочил раньше, освобождают дорогу, едва услышав лязг тракторных гусениц. До ближайших домов, за которыми можно укрыться, где-то около километра. Трактор проходит почти половину этого расстояния, когда на правом берегу Друти появляются немецкие танки, и не только они. Всего две «двойки» или даже «единицы», один грубообразный бронетранспортер, ну и мотоциклы там должны быть, хоть я их и не вижу. Немцы притормаживают на берегу, то ли хотят осмотреть мост на предмет наличия взрывчатки, то ли просто не торопятся врезаться в толпу, не успевшую проскочить через мост. Да и вообще, куда им торопиться? Никакого организованного сопротивления им здесь не окажут. Предупреждаю Костромитина:

– Товарищ лейтенант, немцы! Два танка!

Лейтенант высовывается из кабины, рассматривает правый берег и, убравшись обратно, что-то говорит Петровичу. Что именно, я не слышу, мешает рев двигателя и лязг гусениц. Мы уже почти добрались до крайних домов, когда трактор сворачивает вправо. Лучше бы влево, но там сразу за дорогой дамба круто обрывается, а справа есть ровная площадка. Позиция не самая удачная. Противник частично закрыт растущими на дамбе деревьями, а стрелять придется над самой дорогой. Людской поток течет буквально в десятке метров от дульного тормоза зенитки. Как только трактор останавливается, хватаюсь за снарядный ящик. Уй-е! Восемьдесят два килограмма! Тащу ящик волоком к заднему борту.

– Куда?! Стоять!

Лейтенант за шиворот ловит прыгнувшего с пушки красноармейца и пинком придает ему ускорение к заднему борту СТЗ.

– Разгружай!

Вдвоем откидываем задний борт и начинаем снимать с кузова ящик. Костромитин и Петрович убирают стопоры, и пушка плюхается на грунт. Потом они стаскивают с пушки брезент. Подскакиваю к прицелу, несколько секунд рассматриваю конструкцию и проверяю его установки: боковое упреждение – ноль, устанавливаю прицел на дальность восемьсот метров. Плюхаюсь в кресло наводчика и заглядываю в окуляр оптической трубы. Темно, как... Сдергиваю с прицела крышку и еще раз заглядываю в окуляр. Четыре нити, и стрелка снизу, усиление оцениваю как пятикратное. Никаких ракурсных колец, это же не АЗП. Поворачиваю маховики вертикальной и горизонтальной наводки: по горизонтали все в порядке, а с вертикальной что-то не то, усилие на маховике уж больно маленькое. Опять кручу маховик, картинка в поле зрения оптической трубы поднимается. Смотрю на ствол, а он на месте стоит. Оборачиваюсь. Лейтенант специальным ключом меняет установку взрывателей. Сами взрыватели уже вкручены на место, а ведь положено перевозить их отдельно.

– Петрович, открой затвор! – командует лейтенант.

Однако с затвором у Петровича выходит заминка. Вместо положенной по нормативу минуты возмись уже три как минимум. Лейтенант заканчивает со снарядами и сам открывает

затвор. Мельком бросает взгляд на прицел и досылает первый снаряд в казенник. Звон гильзы и лязг закрытого затвора.

– Готово!

Лучше бы Костромитину самому встать к прицелу, но работа заряжающего требует известной сноровки и опыта. Если поставить заряжающим меня или Петровича, то из-за неправильного досылания мы запросто можем заклинить затвор, да и установок взрывателя никто из нас не знает.

– Товарищ лейтенант, ствол не поднимается!

Лейтенант толкает механика к левой стороне орудия.

– Совмещай стрелки!

– Какие стрелки? – не понимает, чего от него хотят, Петрович.

– Вот эти.

Костромитин крутит маховик, и ствол идет вверх. Оказывается, здесь отдельные приводы наведения, что хорошо для зенитки и плохо для противотанковой пушки. Очень многое зависит от согласованности действий наводчиков. Лейтенант спрыгивает на землю. Кручу маховик, поле зрения в прицеле начинает поворачиваться, стрелка доходит до силуэта одного из танков, второй закрывает дерево. По нам никто не стреляет, похоже, просто не видят или не обращают внимания. Опускаю стрелку до нижнего обреза силуэта.

– Петрович, ты как?

– Готово!

– Огонь!

Выстрел! Г-гах! Мы все сразу гложем, из окружающего мира исчезают все звуки. Тусклый трассер под острым углом пересекает дамбу и исчезает в яркой вспышке чуть ниже силуэта. Мимо! Надо было на тысячу прицел установить! Людей с дороги просто сдувает, хорошо, что основная масса успела проскочить, пока мы переводили пушку в боевое положение. Скорее чувствую, чем слышу, как лязгает затвор.

– Готово!

Подгоняю стрелку под верхний обрез силуэта.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Звенит выброшенная гильза. Мимо! Немецкий танк спасают маленькие размеры.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Мимо! Да что ж за невезуха! Немцы уже обнаружили нашу позицию, даже вижу, как вспыхивает дульное пламя на башне танка. Четвертая попытка.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс!

– Е-есть! – ору не сдерживаясь.

Попали! Яркая вспышка – дульное пламя уже не вспыхивает на сером силуэте. В стрельбе наступает перерыв. Костромитин скручивает колпачки и устанавливает взрыватели в следующем ящике.

– Готово!

Оборачиваюсь к лейтенанту.

– Добьем?

Лейтенант кивает, и пятый снаряд мы всаживаем в уже подбитый танк. Хватит двух гранат этому фрицевскому недотанку.

– Пулемет! Десять метров от правого угла первой хаты.

И как лейтенант успел обнаружить? Я пулемет не вижу, но на всякий случай беру чуть выше уровня берега, помня о недостаточной дальности, установленной на прицеле.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Попали не попали, но пулемет вроде затыкается.

– По мосту! – командует лейтенант.

Но я встаю с сиденья и выпрямляюсь.

– Ты что? – орет лейтенант, хватаясь за кобуру.

– Тебе надо, ты и стреляй, а я не могу!

Во-первых, мост виден плохо, и попасть мы можем только в его настил под очень острым углом и при большом везении. Во-вторых, через мост продолжают перебираться отдельные беженцы, и стрелять в них я не могу. В-третьих, мост этот немцам не поможет. Через несколько дней, во время наступления корпуса Петровского, они сами его взорвут, как и мост через Днепр. Я просто беру и отворачиваюсь, стрелять в спину Костромитин не будет, не тот он человек. И по беженцам на мосту тоже не станет. Это он в горячке боя на такие «подвиги» был готов, а отойдет, самому стыдно будет. Лейтенант остыл, но стволом нагана в кобуру попал не сразу.

– Все! Сворачиваемся и уходим. А этот где?

Пока мы по танкам стреляли, прокатившийся на нашей пушке красноармеец успел слить. Из боевого в походное положение пушку переводили минут пять, чтобы поднять пять тонн на высоту полуметра, пришлось попотеть, качая рукоятки механизмов. Закрепили ствол по-походному, брезент и ящик с двумя снарядами положили обратно в кузов. Забираясь в кузов, я увидел в заднем борту свеженькую дырку от пули, стало быть, пулемет все-таки был. И был он достаточно близок к цели. Тронулись. Немцы, получив по зубам, на берег не высывались. А то! Восемьдесят пять миллиметров – это тебе не в углу навалено. Сила! СТЗ выбирается на дорогу, точнее, уже на городскую улицу и медленно торопится к мосту через Днепр.

На днепровском мосту основная масса людей уже проскочила на левый берег. На месте стальных коробчатых ферм и железобетонных опор, памятных по восьмидесятым, стоит деревянное сооружение. Днепр в районе Рогачева не широк, но быстр и полноводен. Вся дорога была усыпана следами поспешного бегства. Ну, хоть трупы на дороге не валяются. Стоп, накаркал. Два лежат у самого въезда на мост, толпа прошла по ним, и сейчас они напоминают тряпичных кукол, больших и грязных. Чуть дальше лежит еще один, девочки или маленькой женщины, не понять. Мы с лейтенантом оттаскиваем трупы в сторону, СТЗ осторожно пробирается по деревянному настилу, пушка переваливается на брошенных вещах.

За мостом через пойму Днепра дорога больше километра тянется по узкой дамбе. Далее дорога на Довск проходит по густому смешанному лесу. СТЗ ползет по дамбе, а я смотрю на удаляющийся Рогачев. После войны в нем останется, по-моему, единственное довоенное здание – краснокирпичный католический собор. Все остальное будет разрушено, а население почти полностью уничтожено. Большая часть городского населения – евреи. В восьмидесятые они исчезнут почти полностью. Те, кто пережил войну, уедут в Израиль.

Левобережный лес понемногу приближается, и мои мысли принимают другое направление. На следующий день, после захвата Рогачева, немецкая разведка попытается продвинуться по дороге на Довск, но получит отпор. А я как-то пока не вижу никого, кто, согласно исторической правде, будет этот отпор давать. И тут у меня рождается мысль. А что, если это и есть моя миссия. Точнее МИССИЯ, именно так, крупными буквами. Может, меня ради этого сюда и занесло. Остановлю фрицев, и сразу обратно, в квартиру с теплыми полами и модным унитазом, к машине, Интернету, кредитным карточкам и прочим благам цивилизации. Можно и обратно в туалет скорого поезда, я согласен даже без денег и паспорта, но лучше с ними.

Ерунда все это. Похоже, нет никакой миссии. Если здесь мне оторвут башку, то больше она не вырастет. Гейм, как говорится, овер. Но руки после Друти и моста через Днепр чешутся.

– Петрович, стой!

Из кабины высовывается Костромитин.

– Чего ты орешь?

– Вы посмотрите, товарищ лейтенант, какая шикарная позиция. Ну просто грех не воспользоваться.

Лейтенант достает бинокль и минуту рассматривает правый берег. Думает.

– Накроют нас здесь.

– Не успеют, товарищ лейтенант. Мы по-быстрому фрицев на дамбе гасим, пушку на колеса и ходу. А позицию справа от дороги устроим, туда трактор можно незаметно подогнать.

Лейтенант нацеливает бинокль на предлагаемую позицию.

– Не пойму я тебя, инженер, то ты до Урала бежать собирался, а сейчас вдруг решил в героя сыграть?

– А может, я и есть герой, товарищ лейтенант. Только старый, толстый и лысый.

– Вот это мы сейчас и проверим. Давай направо, Петрович.

Миссия моя проваливается, не успев начаться. Едва наша сцепка вползает на опушку леса, как мы замечаем нескольких красноармейцев, копающих стрелковые ячейки. Костромитин идет узнать, что это за часть. Возвращается очень быстро.

– Сто шестьдесят седьмая стрелковая дивизия, – сообщает лейтенант. – Дивизия свежая, в боях еще не бывала.

То, что дивизия кадровая и в боях еще не бывала, видно по внешнему виду красноармейцев и их экипировке. А еще я вижу, что красноармейцев здесь очень мало для прочной обороны. Стрелковые ячейки еще только начали копать, никаких инженерных заграждений нет, минные поля наверняка отсутствуют. Судя по всему, дивизия тонким слоем размазана по левому берегу Днепра и сосредоточенного удара немцев не выдержит, а прочность обороны в этом месте немцы обязательно проверят, я точно знаю. Костромитин выбирает позицию для зенитки, и мы начинаем копать. Правильная огневая позиция для 52-К – это котлован пятиметрового диаметра и метровой глубины, плюс укрытие для расчета и ровик для ящиков со снарядами. Нам втроем, при наличии одной лопаты, за всю ночь с таким объемом не справиться. Поэтому укрытие и ровик упраздняем, размеры котлована ограничиваем длиной повозки и размахом боковых станин. Песчаная почва поддается легко, но одна лопата ограничивает скорость. Закончили, когда уже стемнело. Вижу, что к пехотинцам прибыла полевая кухня.

– Товарищ лейтенант, вот завтра мы будем все опасности предстоящего боя с пехотой делить. Так?

– Ну, так, – соглашается лейтенант. – Ты это к чему?

– К тому, что неплохо бы пехоте радости сегодняшнего ужина с нами разделить. А то как-то несправедливо получается. Вы им скажите, что завтра с голодухи у нас заряжающий снаряд не поднимет, и у наводчиков будут руки дрожать.

Пока лейтенант решает продовольственные проблемы, СТЗ спихивает орудие в котлован, я отцепляю тягач, и Петрович отгоняет его к дороге. Вдвоем откидываем боковые упоры, опускаем пушку на грунт и забиваем колья. В песок они входят легко, звонкие удары далеко разносятся в темной тишине днепровской поймы. Теперь начинаем горизонтирование. Петрович крутит домкраты, а я слежу за уровнями. Дело это несложное, но есть пара тонкостей. Во-первых, надо хорошо выровнять площадку, во-вторых, домкратами надо орудовать аккуратно, а то запросто можно пушку от грунта оторвать. В принципе, для стрельбы прямой наводкой можно и не горизонтировать, но я помню, как мы мазали на берегу Друти, и предпочитаю перестраховаться.

Лейтенант приносит три котелка с перловой кашей. Терпеть не могу перловку, зато каша с мясом и соли в самый раз. Быстро наворачиваем перловку, и я несу котелки обратно на кухню. Когда возвращаюсь, Костромитин ползает по упорам, проверяя уровни, Петрович блаженно курит, сидя на повозке.

- Петрович, подъем. Щель копать будем.
- Какую щель? – удивляется Петрович.
- Половую, блин.
- ?!

Мой тонкий юмор пролетает мимо головы водителя, для него половая щель – это щель в полу между досками, и никак иначе. А при чем здесь блины, он вообще не понял. Приходится объяснить, что такое щель и для чего она нужна на огневой позиции. Опять копаем.

Как только заканчиваем копать, Костромитин отзывает меня в сторону.

- Думаешь, завтра сунутся?
- Непременно, товарищ лейтенант.
- Я тоже так думаю, – говорит лейтенант и тут же подкидывает очередной вопрос: – А почему ты немцев фрицами называл?
- Одно из наиболее распространенных у них имен. Да какая разница, фрицы, гансы, иоганны или адольфы. Один черт.
- Также правильно, – соглашается Костромитин. – А в армии, говоришь, не служил?
- Не служил, товарищ лейтенант.
- И из пушки раньше не стрелял?
- Не стрелял.
- И документы у тебя сгорели?
- Сгорели.

Лейтенант держит паузу, видимо, ждет, что я продолжу, но я молчу. Наконец он не выдерживает.

– Орудие отгоризонтировать штука нехитрая. Я даже готов поверить, что с механизмами наводки и установками прицела ты за десять секунд разобрался, все-таки человек с высшим образованием. Но из пушки ты раньше стрелял или, по крайней мере, на огневой позиции раньше был. Новобранцы первого выстрела всегда боятся, а ты даже ухом не повел. По этому поводу ничего сказать не хочешь?

- Не хочу, товарищ лейтенант.

Я упираюсь в свою версию, и отступать от нее не намерен. Костромитин это понимает.

- Ну ладно. Кстати, ты на барабане углов какую дальность выставлял?
- Восемьсот.
- Восемьсот – это дальность прямого выстрела, на восемьсот метров и меньше стрельба ведется с постоянной установкой прицела – шесть. А вообще ставится дальность до цели в гектометрах минус единица.
- Значит, фактически прицел стоял на девятьсот метров, а танк был еще дальше.
- Нет, просто стреляли снизу вверх, поэтому первый снаряд лег с недолетом.
- Спасибо за науку, товарищ лейтенант.
- Пожалуйста. Завтра посмотрим, пошла ли она тебе впрок.

Интересно, что он себе нафантазировал. Что я у белых в артиллерии служил? Или в лагере по пятьдесят восьмой сидел, а после начала войны сбежал? Отсюда и отсутствие блатных наколок, и отсутствие документов. А с артиллерией я мог и раньше познакомиться. Ладно, сейчас это неважно. Важно, сдаст меня лейтенант куда надо или нет.

Утром нас разбудила винтовочная стрельба. Солнце только начало разгонять ночную тьму. Стреляли где-то севернее, в районе Зборова. К винтовкам присоединился пулемет, потом затаивали пушки, скорее всего, сорокапятимиллиметровые. А вот это они зря. Похоже, наши

ушучили немецкую разведку в пойме Днепра и начали ее давить. Но зачем выдали позиции ПТО? Немцы ведь только этого и ждут. Вскоре все перекрыли взрывы снарядов и мин. Это уже фрицы с правого берега, своих вытаскивают и наши позиции давят. Позиции здесь, кстати, так себе, нормальные траншеи нынешним уставом не предусмотрены, понарыли отдельных ячеек и сидят в них, как кроты. Стоп! А где танки? Согласно исторической правде мне обещаны были танки. И еще мотоциклы. Где они?

Когда сквозь притихшую канонаду донесся треск мотоциклетных двигателей и лязг танковых гусениц, я даже обрадовался. Не врет история, не врет! Точнее, не во всем врет. Орудие заранее было наведено на дамбу, но пока в серой мути рассветных сумерек вижу только нечеткий размытый силуэт переднего танка. Над ухом лязгает затвор.

– Готово! – докладывает лейтенант и тут же интересуется: – Какой прицел?

– Девять для начала. Но давай ближе подпустим.

В этих чертовых сумерках дистанцию правильно определить трудно, саму цель видно нечетко, я даже тип танка определить не могу. Но не «двойка», что-то более крупное.

– Давай, – соглашается Костромитин, – только я взрыватель на гранате уже выставил.

В этот момент у наших не выдерживают нервы, и слева по дамбе начинает стрелять противотанковый взвод. Подгоняю стрелку под середину силуэта. Чертовы сумерки! Как там наш второй наводчик?

– Петрович?

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Бьет пушка. Недолет. Лязг затвора.

– Готово!

– Прицел десять!

Лейтенант поворачивает маховичок.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Попадание! Мне кажется, что танк споткнулся и вроде начал пятиться назад.

– Готово!

Не уйдешь, сволочь!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Попадание! С дамбы плюются огнем немецкие пулеметы, но, оглушенные выстрелами зенитки, мы не слышим цвирканья пуль.

– Готово!

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Еще одно попадание. Танк уже замер. Противотанкисты тоже пристрелялись по нему, но их снарядики большого впечатления на танк не производят, особенно после наших попаданий. Мне кажется, что я вижу на дамбе темное пятно мотоцикла с пульсирующим огоньком дульного пламени.

– Готово!

Ловлю в прицел это пятно.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Снаряд пролетает над дамбой и взрывается где-то за ней. Ниже надо брать, чертовы сумерки!

– Готово!

Мотоциклисты уже убираются на свой берег, в запале ловлю в прицел еще одно уходящее пятно.

– Огонь!

Г-гах! Блямс! Мимо. И тут я слышу звук. Я никогда не слышал его раньше, но сразу понял, что это такое.

– Ложи-и-ись!!!

Я одним прыжком достигаю щели, но первым туда попадает Петрович. Я падаю на него, сверху валится Костромитин. Бах! Бах! Бах! Бах! Сверху сыплются земля, ветки и листья. Точно бьют, гады. И как только они нашу позицию засекли в этих сумерках. Небольшой перерыв, и снова. Бах! Бах! Бах! Бах! Минометный обстрел длился всего минуты две. Точнее, целых две минуты. Две самые долгие минуты в моей жизни. Кажется, Петрович внизу бормочет молитву. Я бы тоже бормотал, если бы знал. Единственное, что помню: спаси и сохрани.

Когда все заканчивается, мы еще минуты три лежим неподвижно. Лежим и слушаем, но бой уже затихает. Или мы окончательно оглохли. Наконец я не выдерживаю и пихаю лейтенанта.

– Слазь с меня, лейтенант, а то Петрович внизу задохнется.

Выбираюсь из щели вслед за Костромитиным, последним вылезает Петрович.

– В следующий раз щель в два раза глубже вырою, – обещает тракторист, – ей-богу. Нет, две щели. Одну себе, другую – вам.

– Все, отстрелялись.

Я поворачиваюсь к пушке. Лейтенант рассматривает пробитый осколком мины накатник, из него капает, стекая на землю, маслянистая жидкость. Действительно отстрелялись, противооткатные устройства можно отремонтировать только на заводе либо найти артиллерийскую мастерскую, где есть новый накатник.

– Я за трактором, – оживает Петрович.

– Давай, – соглашается лейтенант, – а мы пока пушку в походное переведем.

Вдвоем ставим пушку на колеса, закрепляем ствол и складываем упоры, я закрываю крышкой оптику. Чехол остался в кузовке СТЗ, надеюсь, его не сперли. Трактор задним ходом подкатывает к огневой. Цепляем пушку к СТЗ, лейтенант командует:

– Давай!

Трактор дергается, еле успеваю отскочить, а с другой стороны слышу вопль Костромитина.

– Стой!

Трактор замирает, и я перепрыгиваю через сцепку. Лейтенант лежит на боку между передним и задним колесными ходами. С виду цел, но если пятитонная пушка проехала ему по ноге, то он без этой ноги вполне может остаться. Вытягиваю лейтенанта из-под пушки.

– Где болит, лейтенант?

Тот слабо отбивается:

– Да нигде не болит, это я с перепугу вопил.

Оказывается, не успев убрать ногу из-под колеса, Сергей упал на бок, и переднее колесо частично вдавило жесткую подошву сапога в мягкий песчаный грунт, частично просто перескочило через нее, и сама нога не пострадала, как и сапог. Да, крепкие сапоги шьют для красных командиров.

– Поехали!

Лейтенант, совсем не хромая, бежит к трактору. Я лезу в кузов и плюхаюсь на брезент. Не сперли, и торба моя на месте. СТЗ выбирается на шоссе, разгоняется и через пару сотен метров тормозит. На шоссе стоит «эмка», возле нее начальство, не поймешь, в каких чинах. Но большое начальство, маленькому «эмки» не дают.

– Построились, – бросает Костромитин, выпрыгивая из кабины.

Мы с Петровичем, как можем, изображаем строй. Получается не очень. По лицу начальства вижу – недоволено. Лейтенант вытягивается, вскидывает руку к пилотке и начинает доклад:

– Товарищ дивизионный комиссар...

Это же, считай, почти генерал, нехреновое звание. Для такого звания комиссар, пожалуй, слишком молод. Доклад закончен. Комиссар недовольно морщится.

– Почему оставили позицию?

– Орудие было повреждено в результате минометного обстрела. Дальнейшая стрельба невозможна, нужен заводской ремонт.

Когда мы поспешно убирались с позиции, не до чехла было, и дырка в накатнике видна во всей красе. Большое человеческое спасибо немецкому осколку, спас от неприятностей. С заводским ремонтом лейтенант, конечно, приврал, в любой мастерской накатник за пару часов поменяют.

– А это что за чучело?

Чучело это я. В куцем ватнике, яловых командирских сапогах и СВТ на правом плече. Однако чучелом меня уже лет тридцать не называли или еще тридцать лет вперед не назовут. Короче, отвык я от таких названий.

– Я не чучело, товарищ дивизионный комиссар, а инженер. В данный момент – красно-армеец.

– Он два танка подбил, – вступается за меня лейтенант.

– Я видел только один.

– Первый был вчера, на переправе через Друть.

– Подбил?

Это вопрос ко мне.

– Так точно, товарищ дивизионный комиссар. Только не один я подбивал, весь расчет работал.

Начальство меняет гнев на милость.

– Молодец! Все вы молодцы. Если каждая наша пушка уничтожит по два немецких танка...

Пошло, поехало, комиссар оказался в своей стихии. Почтительно дослушиваем до конца. Почтительно, так сказать, внимаем.

– От лица командования объявляю вам благодарность!

– Служим трудовому народу!

Нестройно гаркаем мы, простите, не до строевой было. Комиссар жмет нам руки и направляется к своей «эмке».

– Пронесло, – шепчет Костромитин.

– Предписание, – шиплю я.

– Что? – не понимает лейтенант.

– Предписание у него возьми, на переформирование.

Наконец-то дошло.

– Товарищ дивизионный комиссар!

Костромитин бросается вслед не успевшему далеко отойти начальству. Догоняет, вытягивается, излагает. Молодец, правильно излагает. Комиссар благосклонно кивает головой, потом достает блокнот и что-то пишет, долго пишет. Наконец вырывает из блокнота листок и отдает лейтенанту. Тот опять тянется, козыряет, поворачивается кругом и рубит строевым. Артист!

Глава 3

Пушка – оружие коллективное. В этом мы убеждаемся, когда чистим ее ствол. Эту процедуру должен делать весь расчет, а нас только трое. Штатным банником для чистки никто не пользуется, для этого вокруг полно дерева. Выпиливаем чурбак подходящего размера из березы диаметром чуть меньше калибра ствола, обматываем его промасленными тряпками и пропихиваем в ствол. Через казенную часть чурбак проходит легко, а потом.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

А все Костромитин. Не может он, видите ли, в армейский штаб с грязной пушкой соваться. У него дырка в накатнике, точнее, у пушки в накатнике, а он ее от грязи отмывает. Она же все равно под брезентом будет, а мы ее надраиваем, как перед Парадом Победы. Да хрен бы с ним – снаружи, так еще и изнутри. Как будто кто-то в ствол к нему заглядывать будет, точнее, в пушечный ствол. Еще бы СТЗ гусеницы помыл. Кстати, был такой генерал, на стоянках заставлял танкистов гусеницы соляркой протирать, а чистоту лично пальчиком проверял. Аккуратист долбаный.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Подумаешь, штаб армии. Этот штаб вторые сутки без войск сидит, его не сегодня, так завтра расформируют, а мы тут корячимся. Да мы же там на хрен никому не нужны, у штабных сейчас своих забот полные штаны, на кого цыкнут, а кого и чикнут. Целую армию про... потеряли.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Да когда же он закончится, чертов ствол. Можно подумать, там генералы толпами ходят. А на комиссара я зря окрысился, подумаешь, речугу толкнул минут на десять. Работа у него такая. Это для меня штампы избитые, а лейтенант вроде даже проникся. Мы с пехотинцами у Днепра почти сутки простояли, а даже батальонного их не видели. А комиссар, как стрельба началась, примчался. В двухстах метрах от передовых ячеек находился.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

Наконец мы выбиваем чурбак из ствола. Лейтенант лезет рукой в ствол и находит его недостаточно чистым. Нашелся чистоплюй на мою лысую голову. Все по новой, обматываем чурбак тряпками, запихиваем в ствол.

– И-и-и, раз! И-и-и, два!

До штаба добираемся только к двум часам дня, зато с чистым орудийным стволом. А сами уже десять дней не мылись, несет от нас сейчас... Штаб расположился километрах в пяти от Днепра. Если фрицы узнают, артиллерией накроют запросто. Но у них сейчас другие заботы, к Днепру вышли передовые танковые части, а пехота и все снабжение отстало на неделю минимум. Поэтому с боеприпасами у них негусто. На въезде в деревню нас проверяют, но комиссарская бумажка открывает нам дорогу. СТЗ ставим подальше от глаз начальства, и лейтенант убегает за предписанием. Петрович курит, а я просто греюсь на солнышке. И тут мне в голову приходит мысль, точнее, мыслища.

– Петрович, у тебя белая краска есть?

– Нет, вообще никакой нет. А зачем тебе?

– Звездочки хочу нарисовать, по числу подбитых танков.

– Здорово, – оживляется механик, – а где рисовать будем?

– На стволе, естественно. Слева танки, справа самолеты. Только краски-то все равно нет.

– Для такого дела найдем, – обещает Петрович. – При штабе всякой шоферни хватает, у кого-нибудь одолжим.

Минут через десять механик возвращается с литровой банкой белой масляной краски. Теперь встает проблема бумаги, Петрович бежит за ней. Когда появляется бумага, то оказыва-

ется, что нет ножниц. Добро пожаловать в мир тотального дефицита, усугубленного войной. В конце концов, вдохновленный идеей механик жертвует своей бритвой, и я вырезаю из бумаги трафарет. Ничего получилось, терпимо. Аккуратно, тампончиком рисуем звездочки, Петрович даже дыхание затаил. Осторожно снимаю трафарет со второй звездочки. Механик в восторге.

– Здорово, – выдыхает он, – теперь сразу видно – едет героический расчет.

Дай ему волю, он бы и накатник пробитый не менял, тоже наглядное свидетельство опасностей ратного труда, перенесенного Петровичем.

– Слушай, а может, на тягаче тоже нарисуем?

– Обязательно нарисуем, как только ты своим трактором немецкий танк раздавишь, так сразу и нарисуем.

– Это что вы тут рисовать собрались?

Сзади незаметно подошел Костромитин.

– А это что за художества на боевом оружии?

– Звездочки, товарищ лейтенант, по числу подбитых танков. Пусть все видят.

– А вы от скромности не умрете, товарищ инженер.

– Так ведь сам себя не похвалишь, другие не заметят. Да вы на грудь мою посмотрите, товарищ лейтенант.

– И что такого особенного на твоей груди?

– Размеры. Представляете, сколько орденов на ней поместится?

Такой незатейливый юмор находит понимание, оба от души смеются. Да и вообще нравы здесь намного проще, чем в наше время.

– Пусть остаются, – соглашается лейтенант, – но вообще-то не положено. Я тут, кстати, у штабных справочку взял насчет подбитых танков.

– Но комиссар только один видел, – удивляюсь я.

– Штаб без войск остался, трясутся все, как заячьи хвосты, они мне не два, а целую танковую роту могли вписать, сейчас им все равно.

– А куда нас направили, товарищ лейтенант? – интересуется Петрович.

– Я хотел обратно в наш полк, но никто не знает, где он находится. Хотели в армейский Озад...

– В чей зад? – удивленно переспрашиваю я.

– Не в зад, а в Озад, – поправляет меня Костромитин и поясняет: – Отдельный зенитный артиллерийский дивизион армейского подчинения. Но там только тридцатисемимиллиметровые зенитки остались, и ремонтной базы нет.

Тут и так в дерьме по уши, а тебя еще в какой-то зад послать пытаются. Между тем лейтенант продолжил:

– Поэтому нас направили в штаб фронта, оттуда направят в запасной полк.

А вот это уже не зад, это даже не полная задница, а просто необъятная.

– Товарищ лейтенант, а нельзя ли нас послать куда-нибудь в другое место?

– Во-первых, нас не посылают, направляют. Во-вторых, в какое такое место вы собрались? И, в-третьих, отсюда идет только одна дорога, и идет она через Довск, где и находится штаб Западного фронта.

А то я не знаю, где находится этот чертов штаб. Я даже знаю, что сделают с некоторыми обитателями этого штаба буквально через пару дней. Поэтому мне очень не хочется попадать туда, особенно в ближайшие дни. Но, видимо, после подаренной улыбки продажная девка Фортуна окончательно повернулась ко мне задом.

– В машину! – командует лейтенант, и мы трясемся на свидание к своей судьбе. Точной даты ареста Павлова я не помню. То ли третьего, то ли четвертого. А может, пятого? Один раз я уже не угадал. Для расправы над руководством Западного фронта товарищ Сталин пришет своего личного контролера – Льва Захаровича Мехлиса, стукача всесоюзного масштаба.

Пожалуй, единственное, что хорошо получалось у Левы Мехлиса, так это слепить расстрельный донос на пустом месте. Как только он начинал действовать самостоятельно, дело заканчивалось такой кровищей и такими провалами, что после сорок второго хозяин своей шестерке воли уже не давал. Впрочем, думаю, что в данном случае возмездие было все-таки справедливым, хотя и слишком уж избирательным. Кирпоносу «повезло», а Павлову и его помощникам пришлось ответить за разгром вверенных ему войск. Надо было пойти дальше и Жукова с Тимошенко привлечь, но, видимо, товарищ Сталин не был уверен, что пришедшие им на смену наломают меньше дров. Ему виднее, свой генералитет он знает лучше меня.

А между тем зарождается мыслишка: а может, это и есть твой шанс, твоя миссия? Мехлис – это кратчайший путь наверх, возможность донести до хозяйских ушей предупреждение о страшной катастрофе. До нее еще полтора месяца, еще можно все переиграть и спасти сотни тысяч. Трактор скачет на какой-то колдобине, и я больно бьюсь локтем о борт. Руку как будто пронзает электрическим током, а в голове наступает прояснение. К кому бежать собрался? К Лева? К Мехлису? Он же типичный сталинский чиновник, самое страшное для него – вызвать неудовольствие хозяина. Итак, моделируем ситуацию. Предположим, что я добрался до Мехлиса, что маловероятно. Допустим, он даже согласился меня выслушать, что уже совсем невероятно. И скажем, он мне поверил, что звучит как полный абсурд. Что дальше сделает Мехлис? Доложит Сталину? Как бы не так. С непроверенной информацией он к нему не сунется, начнет проверять. А что ему скажут «эксперты» в лице красных генералов? Они скажут, что их героическими усилиями вторая танковая группа обескровлена, ее материальная часть изношена, и ни к каким наступательным действиям она решительно не способна. А скоро они подлеца Гудериана вообще за Неман выкинут. И что будет, когда Гудериан повернет на юг? Шлепнут меня, чтобы не болтал много. Если Сталин узнает, что было предупреждение, а они его проигнорировали – по головке не погладит, главным образом за недонесение ценной информации до своих ушей.

А то, думаете, их не предупреждали? Были умные люди, видели, как нависает танковая группа немцев над флангом Киевской группировки. И не просто видели, они писали. Только генералы наши все проигнорировали, самыми умными себя считали. И даже если каким-то чудом удастся Киевскую катастрофу предотвратить, то они тут же устроят новую. И будет вместо Киевской какая-нибудь Харьковская или Днепропетровская катастрофа. И про них я уже ничего сказать не смогу. Да мало ли их было и еще будет, пусть и не в таких масштабах. А им на все наплевать, они еще только «учатся» воевать. Интересно, чем они до этого занимались. Таким образом уговариваю я свою совесть. Будем надеяться, что такая мелочь, как мы, не привлечет внимания нового командования фронта.

Как оказалось, где находится штаб фронта, я не знал, и никто не знал. В Довске находился только бывший командующий фронтом, отстраненный от должности два дня назад, еще тридцатого июня. Куда двигаться дальше, неясно. Пока к своим добирались, все было понятно, а в собственном тылу неисправная зенитка с неполным расчетом никому оказалась не нужна. В конце концов, кто-то подсказал Костромитину, что всех зенитчиков, отставших от своих частей, направляют в Брянск. Мною эта идея оказалась горячо поддержана: до Брянска немцы доберутся не скоро, есть время оглядеться и возможность легализоваться.

До Брянска около двухсот пятидесяти километров, если ехать через Рославль. Это расстояние мы прошли почти за пять суток, дважды подводила техника. С топливом проблем не было, как и с продовольствием. Документы проверяли несколько раз, но только у лейтенанта. Как оказалось, таких, как я, бездокументных призывников, в тылах Западного фронта болталось немало. Когда Минск уже был захвачен, туда продолжали направлять эшелоны с призывным контингентом, согласно довоенным планам.

Брянск оказался довольно крупным городом, промышленным центром и узлом железных дорог. В комендатуре нас направляют в запасной зенитный артиллерийский полк. В пер-

вый раз за две недели мы получаем возможность помыться. Я уже стал думать, что горячая вода в СССР существует только в виде кипятка на железнодорожных станциях. Оказывается, нет, есть еще бани. Народа в бане мало, и я моюсь сразу в трех шайках. Какое счастье, что можно набрать целую шайку воды из двух кранов и опрокинуть ее на себя. А потом сделать это еще раз и еще. На этом прелести жизни заканчиваются. Мы получаем новое обмундирование. Давно забытые кальсоны на завязках, нательные рубахи, гимнастерки с шароварами и пилотки. Материал гимнастерки по шершавости может соперничать с наждачной бумагой.

– Ничего, – утешает меня Петрович, – обомнется, да и привыкнешь. Все привыкают.

– Ага, – соглашаюсь я, – как к чесотке.

Теперь надо пришить черные петлицы с красной окантовкой, прикрепить к ним эмблемы рода войск. Сами артиллерийские эмблемы за последующие полвека практически не изменились. Прикалываю к пилотке звездочку, затягиваю ремень и возвращаюсь на вещевой склад.

– Ну, нет у меня подсумков, – клянется вещевого старшина.

Но я ему почему-то не верю.

– Так что же мне, патроны в карманах таскать? Вот попадусь командиру полка и объясню ему, что один куркуль на складе подсумки зажал.

После короткой дискуссии один подсумок все-таки находится, и я опять иду в баню. Здесь меня уже ждут.

– Пошли быстрее.

– Куда?

– В строевой отдел, – отвечает лейтенант.

– Стоп.

Я притормаживаю остальных и оглядываюсь по сторонам, вроде никто не может нас слышать.

– Значит, так, в разговоре с кадровиками таких слов, как «окружение» и «оккупированная территория», употреблять нельзя.

– Так мы и не были в окружении, – удивляется Петрович.

– Правильно, – подтверждаю я, – не были. Мы все время двигались по не оккупированной территории и немцев в глаза не видели.

– А на Минском шоссе? – опять удивляется механик.

– Не было там никаких немцев, не было, и все. Вы закончили ремонт и, понимая, что от танков все равно не уйти, свернули с шоссе еще до их появления. И на этом стойте насмерть.

Костромитин смотрит на меня очень пристально, смотрит и молчит. Ну хоть кивни, лейтенант. Петрович смотрит на командира и ждет, что скажет он.

– Ты думаешь, так будет лучше? – наконец спрашивает он.

– Я не думаю, я знаю. Ляпнете про немцев – потом не отмоешься, всю оставшуюся жизнь будете на подозрении. И я вместе с вами.

– А расчет?

– Не было никакого расчета. Вы пушку из ремонта везли, без расчета.

– Завремся, – сомневается лейтенант.

– Ничего, пытать вас никто не будет, и проверить ничего не смогут. А в крайнем случае, у нас справка о подбитых танках есть, причем из армейского штаба.

– Хорошо, – соглашается Костромитин, – давай так и сделаем.

Беседовал со мной старший лейтенант из штабных. Назвать это допросом язык не повернется, хотя кое-что старшой записывал. У меня создалось впечатление, что ему все по барабану, подобные истории за день он выслушивал не один раз, а может, и не один десяток раз. Только справка из Паричского военкомата вызвала у него удивление.

– Вы же не подлежите призыву.

– А куда мне было деваться? Считайте меня добровольцем.

Когда дошли до первого боя, лейтенант удивился еще раз.

– Вот так просто встали к прицелу и сразу попали?

– Ну не сразу, а только четвертым снарядом. Да и пушка ваша не бог весть какая техническая задача, а у меня восемнадцать лет стажа на инженерных должностях. На зрение не жалуюсь. Механик тоже в первый раз стрелки совмещал, и ничего, справился.

– А кто, кроме вас троих, может подтвердить уничтожение немецкого танка?

– У лейтенанта справка есть из штаба армии, только танков там два, второй мы на переправе через Днепр подбили.

Старшой вышел, оставив меня одного. Вернулся через несколько минут.

– Даже не знаю, что с вами делать. Хотите, мы вас демобилизуем, и даже проездные документы в Ленинград оформим?

– Не хочу. Я еще с немецкими стервятниками не поквитался за эшелон разбомбленный, за женщин, за детишек убитых. В истребители меня точно не возьмут, так я их с земли достану. Вы только от прицела меня не убивайте, товарищ старший лейтенант.

– Это уже ваш новый комбат будет решать. А хотите, мы вас при штабе полка оставим, должность подходящую подберем, а там придет из Ленинграда подтверждение, звание среднего командира получите.

Ага, придет подтверждение, щас-с! И не только потому, что нечего подтверждать, но и потому, что не до подтверждений будет в ближайшее время в Ленинграде. Да и этот полк скоро в очередном котле свариться может.

– Спасибо за предложение, товарищ старший лейтенант, но я все-таки хочу на фрицев через оптическую трубу еще раз взглянуть.

– Как вы сказали? На фрицев?

– На фрицев. Это одно из наиболее распространенных у них имен. Да какая разница, как их называть. Фрицы, гансы, адольфы. Один черт.

– Ладно, идите, – машет рукой лейтенант.

Когда я оказываюсь в коридоре, Костромитин с Петровичем уже ждут меня там.

– Ну, как?

– Нормально. А у вас?

– Да вроде все гладко прошло.

– Вот и хорошо, – подвожу я итог, – пошли столовую искать.

У нас на троих только один котелок, поэтому раздающий валит в него тройную порцию. Мы едим пшеничную кашу с «машинным» маслом, по очереди черпая ее из котелка Петровича. Впрочем, мы не одни такие, кто-то утратил свое имущество при отступлении, кто-то и вовсе его не успел получить. На вкус каша весьма мерзкая, а порция маленькая. На таком питании, без приварка, можно только медленно загнуться. Выход один – отправка в действующую армию. Видимо, на этом и строится расчет, чтобы в тылу надолго не засиживались. После ужина мы идем устраиваться в казарму.

Казарма этого полка от привычной советской казармы, в которой я провел далеко не лучшие годы своей жизни, отличалась, как студенческая общага от четырехзвездочной гостиницы. Длинное помещение с деревянными нарами в три уровня и «взлетной полосой» посередине. Постельное белье в принципе отсутствует, дощатый пол изрядно загажен красноармейскими и командирскими сапогами, но у меня уже руки заныли и спина в предчувствии ближайшего парко-хозяйственного дня. Ох, чую, сдохнем мы все на этом полу, ну, кроме лейтенанта, разумеется. Сунул нос в уборную. Ужас.

Что удивило, так это отношение к личному оружию. Винтовки стоят в пирамидах прямо в центральном проходе. Оружие самое разное: трехлинейные образца 1891/30, СВТ образца 1938 и 1940 годов, короткие карабины Тульского оружейного завода, явно дореволюционного выпуска. И никаких цепочек через скобы спусковых крючков. Патроны тут же в пирамидах,

доверяют, однако, личному составу отцы-командиры. У нас же была оружейная комната под семью замками и со звуковой сигнализацией. Патроны в отдельном сейфе хранились. И все закрыто, опечатано и недоступно. Пристраиваю свою СВТ в ряду других, магазин забираю с собой.

Находим усатого старшину, который выдает нам по тощему матрасу, еще более тощей подушке и старому, до дыр протертому одеялу.

– Средний комсостав располагается на другом этаже, – сообщает старшина Костромитину.

Но тот выражает желание остаться с нами. Старшина, пожав плечами, выделяет нам место для ночевки. А вот и преемственность традиций – некрашенные деревянные табуреты, стоящие в проходах между нарами. Сажусь на один из них и стягиваю сапоги. Двадцать два года прошло, а руки сами все сделали. Портянки на перекладыны табурета, сапоги под него. На сиденье ложатся ремень, гимнастерка, шаровары, пилотка. Готово. Обернувшись, натываюсь на взгляд Костромитина, у него все уложено так же, только вместо пилотки сверху лежит командирская фуражка.

– Значит, в армии, говоришь, не служил, – не то спрашивает, не то утверждает лейтенант.

– Не служил, – подтверждаю я.

Команду «подъем» мы пытались проигнорировать, но нас поднимает на зарядку усатый старшина, оказывается, военно-бюрократическая машина уже сработала, и мы находимся в его списке. Костромитина он не трогает, но тот встает вместе с нами. На зарядку с голым торсом и пять кругов по плацу строем. С непривычки тяжело. Машем руками, отжимаемся и, наконец, возвращаемся в казарму. Утренний туалет прошел почти полностью на задержке дыхания, вонь жуткая, и загажен он изрядно, а я себя не самым брезгливым человеком считаю. На завтрак перловка с тем же маслом и кусок черного хлеба. Хлеб, кстати, весьма приличный, в отличие от всего остального. Предчувствую, что постоянное полуголодное состояние мне гарантировано. Не доедают здесь все, но почти все они и размерами помельче, а для меня это становится серьезной проблемой.

После завтрака следует утренний развод. Нас троих отправляют в полковые мастерские вместе с пушкой. В мастерских нас встречает командир с одной шпалой в петлице, как оказалось, военинженер третьего ранга. Первым делом обращает внимание не на пробитый накатник, а на ствол.

– Это что за художества?

Костромитин поясняет.

– Убрать!

И только после этого приступает к осмотру орудия. Если не считать накатника, то в остальном пушка исправна, а его нам меняют за три часа. Работают местные ремонтники не торопясь, от нашей помощи отказываются, видимо, работы у них не много. СТЗ тащит орудие обратно в парк, а там и обед подоспел. После посещения столовой чувство голода несколько притупляется, но не исчезает совсем. После обеда еще один развод, и мы отправляемся в парк. Проверка контрольного уровня, проверка уровней на платформах, проверка согласованности углов возвышения, проверка нулевых установок прицела, проверка нулевой линии прицеливания. Работа не сложная, но муторная, требует тщательности и внимания. Заканчиваем к вечернему построению, потом ужин и свободное время до отбоя.

Попав в казарму задолго до отбоя, начинаю приглядываться к ее порядкам и нахожу для себя немало интересного. Здесь нет дедовщины в нашем понимании этого слова. Нет, деление на новобранцев и старослужащих сохраняется, но оно не столь явно выражено, по крайней мере, внешне. В бытовом отношении каждый обслуживает себя сам, молодые не стирают дедам портянки и не подшивают подворотнички. Скорее наоборот, это старослужащие берут шефство над молодыми, разъясняя премудрости службы, не прибегая к подзатыльникам и зуботы-

чинам. Сержанты не используют унижительных наказаний, а если и наказывают, то всех одинаково, и старых, и молодых. Может, открытый доступ к оружию и отсутствие дедовщины – это вещи тесно взаимосвязанные. В такой казарме пресловутая дедовщина не приживается, точнее, ее носители долго не живут.

Конечно, не все так благостно, если почти тысячу мужиков согнать в тесное, неустроенное помещение с большими бытовыми проблемами в рамки армейской дисциплины, кормить не досыта и заставлять выполнять грязную работу, к которой некоторые не привыкли, то конфликты между ними неизбежны. Но конфликты эти быстро гасятся либо младшими командирами, либо неформальными лидерами, которых выдвигает сама солдатская среда. Причем, в отличие от моего времени, лидеры – это не пацаны с уголовными замашками, а красноармейцы старших возрастов, имеющие какое-никакое образование и жизненный опыт, к которым можно прийти за советом и которые могут решить вопрос «по совести», не доводя его до мордобоя. К тому же, как оказалось, Костромитин – не единственный лейтенант, живущий на этом этаже. Я заметил еще двоих, старшего лейтенанта и лейтенанта, точнее, воентехника, постепенно учусь замечать различия. А присутствие средних командиров всегда дисциплинирует, тем более что последний аргумент висит у них на поясе, а время-то военное и законы соответствующие.

Утром все повторяется: подъем, зарядка, умывание, завтрак, развод. Постепенно втягиваемся, даже голод как-то притупляется. Весь день лейтенант гоняет нас в качестве номеров расчета. Петрович тренируется в качестве заряжающего, досылая в пушку учебный снаряд, а потом вручную открывая замок. У лейтенанта эта операция получается легко и даже как-то небрежно. Подошел, хлопнул слегка по рукоятке, а затвор и открылся. Петрович синяк на правой руке набил, но все равно не получается у него так же. Я не выдерживаю.

– Петрович, брось дурью маяться. Это с виду легко, а на самом деле тут не однодневная тренировка нужна. Тебе сейчас надо затвор научиться открывать быстро и без выпендрежа. А этим фокусам потом научишься.

Меня лейтенант обучает установкам прицела, разъясняет, как устанавливать взрыватель осколочной гранаты для разных видов стрельбы. Тоже, оказывается, не так просто, спасибо за науку, лейтенант. Два дня все шло по накатанной колее, а на третий Костромитина вызвали в штаб полка. Вернулся он часа через два и сразу выдал новость:

– Будет формироваться новая батарея. Меня назначили командиром.

Я сориентировался первым.

– Поздравляю, товарищ лейтенант!

С этого момента все закрутилось. Будущей батарее выделяют свой пролет в казарме и каптерку, она же батарейная канцелярия. Начинает прибывать личный состав. Первыми появляются три лейтенанта – командиры взводов, все лейтенанты абсолютно новенькие – выпускники военных училищ этого года. Буквально через час к ним добавляется политрук, а еще через час – старшина. Остальной личный состав пока представлен мной и Петровичем. Но уже на следующий день появляются сразу шесть сержантов – выпускники полковой школы. А затем в батарею начинают прибывать красноармейцы. Основных источников три: призванные из запаса, направленные из разбитых частей и выпускники полковой школы. Эти, в основном, идут в расчет ПУАЗО и дальномерщики.

Наконец боевое расписание батареи составлено, я официально становлюсь первым номером второго орудия второго огневого взвода. Командир взвода – лейтенант Дудок, какой-то он никакой, бесцветный. Посмотрим на него дальше. А вот с командиром орудия сержантом Филимоном Гмырей все стало ясно с самого начала. Природа отыгралась на нем за все сто лет алкоголизма его предков. Ростиком он едва перевалил за метр шестьдесят, плечики узкие, именно про таких говорят – соплей перешибить можно. Уши Филимона оттопырены, глаза близко посажены, кожа угреватая. С первого взгляда он мне не понравился, а я ему. И уже

на следующий день Филимона иначе, как Чмырей, никто и не называл. О том, что такое чмо, здесь никто не знает, но сам негативный смысл такого прозвища поняли моментально. Чмыря свою кличку оправдывает на все сто, он оказывается туп, как пробка, и при этом хитер. Мое удивление, как он смог окончить полковую школу, разьясняют красноармейцы, учившиеся вместе с Чмырей. Все оказалось просто – он постукивал школьному политруку, а тот в свою очередь следил, чтобы школьные командиры не «обижали» его с отметками. Политрук хотел оставить Филимона при полковой школе, видимо, штатным стукачом. Но тут школьные командиры встали на дыбы, и это сокровище спихнули в нашу батарею.

В тот же день я отловил Костромитина в безлюдном месте.

– Лейтенант, ты на кой хрен этого уроды взял, да еще и командиром орудия поставил?

– А у меня выбор был? Мне его вместе со всеми сверху спустили. И куда мне его девать прикажете? Я его специально в твой расчет направил. При таком командире хоть наводчик должен быть нормальным, иначе орудие небоеспособно.

Значит, теперь я должен Чмырины ошибки исправлять и золотце это от залетов спасать? Вот уж попал так попал. А куда деваться? Сам свою дорогу выбрал. А документов я так и не получил. Оказывается, красноармейские книжки нам не положены. Выдали только смертный медальон, который я по понятным причинам заполнять не стал.

Еще я убедился, что старшина – хохол и политрук – еврей это не только стереотип позднего времени. Интересно, это черты национального характера соответствуют определенным профессиональным требованиям или выбранная профессия так формирует характер, что он становится типичным для национальности человека? Старшина Пилипец, в двух словах, жмот и жлоб, у него летом прошлого года снега не выпросишь. Нет, то, что положено каждому, он выдал, не мог не выдать. Я, наконец, обзавелся нормальным солдатским котелком, алюминиевой ложкой и вещмешком, а вот бритва у нас с Петровичем пока одна на двоих. Бытовые же мелочи, такие, как мыло, зубной порошок, иголки, нитки, подшивочный материал, у него хрен получишь. Экономим нитки и стираем подшиву, по понятиям Советской армии – позор, а здесь в порядке вещей. Хотел, было, я по поводу запасных магазинов к СВТ заикнуться, но не стал, понял – бесполезно.

Младший политрук Семен Лившиц – правоверный кандидат в члены ВКП(б). До войны успел окончить строительный техникум в Витебске и поработать строителем дорог и мостов. Причем не в конторе сидел, а именно работал непосредственно на объектах. Проникнувшись важностью своей профессии, хотел поступить в строительный институт, но его вызвали в военкомат и направили на годичные курсы политруков запаса. То есть готового воентехника отправили учиться на политрука, не иначе опять национальный стереотип сработал. Еще один интересный момент, звания курсантам присвоили авансом, в самом начале обучения. А потом гоняли новоиспеченных младших политруков с двумя кубарями в петлицах почище новобранцев. После курсов Семен собирался поехать в Ленинград и поступить-таки в институт, но оказался в Брянске на должности политрука батареи. Несмотря на наши поражения, он уверен, что война закончится еще до весны следующего года и через год он все-таки станет студентом. Политрук сразу проникся ко мне доверием, я ведь был воплощением его мечты – дипломированным инженером. Вот только вопросы его о ленинградской жизни и вступительных экзаменах в вузы мне были абсолютно ни к чему. Отговорился тем, что институт закончил давно и о современной системе вступительных экзаменов почти ничего не знаю.

Положение на Западном фронте мы отслеживаем по частям, прибывающим в наш полк. Вчера, например, прибыла часть прожекторного батальона из Витебска, те, кто успел уйти на юг. А пока мы получаем технику и приступаем к слаживанию расчетов. Окончательно становится ясно, что Чмыря ни на что, кроме ретрансляции команд взводного, не способен. Причем ретрансляция эта напоминает испорченный телефон, поэтому приходится постоянно контролировать команды Дудка, исправляя то, что ляпнул Чмыря. А тот злится, понимая, что

командирский авторитет потерял напрочь, хотя он его никогда и не имел. Пытался Филимон отыграться на расчете, но и тут его ожидал облом. Из полковой школы он вынес одно четкое правило: приказ командира – закон для подчиненного. Но в школе сержанты требовали в рамках устава, а об уставе Чмыря имеет весьма смутное представление. Точнее, он знает, как выглядит устав, но о содержимом этой книги даже не догадывается. Поэтому взаимоотношения с подчиненными пытался построить в единственно знакомой ему системе: барин – крепостные. Знаю, что крепостное право отменили за шестьдесят лет до печальной даты рождения продолжателя рода Гмырей, но, видимо, такая система уже намертво въелась в генетический код его предков и проявляется при первой же возможности. Поскольку взводный старательно не замечал складывающейся ситуации, то я пообщался с остальными сержантами батареи, и те сами провели с зарвавшимся Чмырем разъяснительную работу. Похоже, не обошлось без рукоприкладства, поскольку при целой морде общий вид у него был весьма помятый. После беседы наш командир притих, но я чувствую – затаился и ждет. Он бы и стуканул, но некому. Сема Лившиц стукачей вообще, и Чмырю в частности, на дух не переносит, взводному – бесполезно, Костромитину даже опасно, а до полкового комиссара ему не добраться.

Когда батарея начинает тренироваться в стрельбе с ПУАЗО, то выясняется, что этот прибор нагло врет. Боковое упреждение он выдает абсолютно правильное по величине, но противоположное по знаку. Расчет ПУАЗО обнаружил это случайно, и тут же встал вопрос: что делать? ПУАЗО – это прибор управления артиллерийским зенитным огнем, здоровенный зеленый ящик, набитый тонкой механикой и очень сложной электротехникой. С ним работает расчет аж из десяти человек. Этот прибор считывает данные со стереоскопического дальномера и двух визиров, а еще в него вводится куча всяких поправок, начиная от направления и скорости ветра и до отклонения плотности воздуха от расчетной. ПУАЗО решает задачу встречи снаряда с целью и выдает на орудия азимут, угол возвышения ствола и установку взрывателя. Стрелять без него, конечно, можно, но эффективность стрельбы в разы падает.

Костромитин побежал в штаб, но вернулся с пустыми руками, другого прибора на складе нет, и когда он поступит, было неизвестно. Командиры походили вокруг, но вскрыть прибор не рискнули, все опломбировано. В соответствии с теорией ошибок, если ошибка противоположная по знаку, то, скорее всего, где-то перепутали «плюс» и «минус». Одна маленькая ошибка, и целая батарея, считай, небоеспособна. На следующий день я подошел к командиру взвода управления, тот как раз стоял возле лживого ящика.

– Товарищ лейтенант, давайте вместе неисправность поищем.

Тот посмотрел на меня, сделал шаг вперед и решительно сорвал первую пломбу, я дернул за вторую. Целый день мы ползали по проводам этой смеси нескольких часовых механизмов с творением сумасшедшего электрика. Трижды все электрические цепи проверили, а прибор цинично продолжал врать. В запале я отошел от чертова ящика, так как опасался, что нервы сдадут и я просто тресну по нему кулаком посильнее, лейтенант продолжал ковыряться в схеме. Когда я вернулся к потрохам ПУАЗО, меня словно током ударило.

– Вот он!

Мой палец уперся в хитрый ролик, связанный со шкалой бокового упреждения. Его можно поставить так, как он стоит сейчас, а можно... Через десять минут прибор заработал как надо, а я заработал репутацию человека, способного разобраться даже в ПУАЗО. Прибор был выпущен в июне этого года, видимо, уже после начала войны. Рабочие, собиравшие его, поспешили, а военная приемка проморгала, и вот результат. Наконец-то приступаем к тренировкам по основному способу стрельбы. Моя задача – совмещать стрелки на принимающем приборе сначала грубой наводки, потом точной. Дело, в принципе, не сложное, главное не обращать внимания на кратковременные броски стрелок и плавно вращать маховик горизонтальной наводки, быстро переключая скорости, если есть необходимость.

С левой стороны орудия тем же самым занимается четвертый номер – Паша Акишев, белокрытый архангелогородец. Перед ним такой же прибор, только он совмещает угол подъема ствола. Пятый номер вставляет снаряд в устройство, похожее на мясорубку, нажимает на кнопку и на два оборота поворачивает рукоятку привода. Готово. Патрон передают второму номеру – заряжающему, и он с лязгом досылает его в казенник орудия. После этого орудие разряжают, и все повторяется сначала. Вся система большого ума не требует, только тренировки, что соответствует уровню образования большинства советских граждан. У нас в расчете больше семилетки ни у кого нет, а заряжающий с установщиком только начальную школу окончили. В расчете ПУАЗО и дальномера народ, конечно, более грамотный, даже студенты недоучившиеся есть, но и работа у них более умственная. Но все это работает только при основном способе стрельбы. Когда дело доходит до стрельбы по танкам или приближающейся пехоте, то здесь особые требования предъявляются к командиру орудия и наводчику. Все данные для стрельбы определяют они, и работать они должны в тесной связке. А какая связка у нас с Чмырей? Не дай бог до прямой наводки дойдет. Только теперь я понимаю, как нам повезло на Днепре. С неполным и абсолютно неподготовленным расчетом, без бронебойных снарядов... Мало нам фрицы всыпали, одним пробитым накатником отделались. Допустим, я – дилетант, но Костромитин-то кадровый командир, а туда же полез.

Ладно, что-то я отвлекся.

– По самолету над первым!

– Темп десять!

– Огонь!

Это тренируются расчеты ПУАЗО и дальномера, только в воздухе ни одного самолета нет, ни нашего, ни немецкого. А я плавно вращаю маховик привода и совмещаю стрелки. Сначала грубой наводки, потом точной. Тяжело в учении.

Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших. Опять копаем. Лопата с трудом втыкается в суглинок. Не могли почву помягче выбрать. Хрясь, ш-ш-ших. На этот раз по полной программе – пять с половиной метров в диаметре и метр в глубину, огневая позиция орудия СЗА. Копают все, расчеты орудий, расчеты ПУАЗО и дальномера. Прибористам проще, объем земляных работ на человека у них в разы меньше. В расчете ПУАЗО одиннадцать морд, вместе с сержантом, а окопчик у них всего четыре на три, правда, в глубину полтора метра. Когда прибористы заканчивают, Костромитин восстанавливает справедливость и отправляет их на помощь орудийным расчетам. Копают все: Чмыря пытался отлынивать, осуществляя общее техническое руководство, но комбат загнал его ко всем в яму. Но и в яме толку от него немного, быстро выдыхается и норовит устроить перекур.

На новом месте мы обустроиваемся всерьез и надолго. Батарею вывели на южную окраину города, огневая позиция находится в двух километрах от железнодорожного узла, который мы должны прикрывать. Заодно прикрываем и железнодорожный мост через речку Свень. Немцы днем пока не летают, только ночью, да и то не каждую. Рядом с нами разворачивается прожекторная установка из Витебского батальона. А вчера в полк прибыли остатки отдельного артиллерийского дивизиона из армии, оборонявшей Могилев, этот город наши оставили три дня назад. Хрясь, ш-ш-ших, хрясь, ш-ш-ших.

Вся тяга батареи – это СТЗ Петровича. Он по одной таскает на позиции пушки, привозит приборы управления огнем и снаряды. Едва успели отгоризонтировать орудие на позиции, как к нам подъезжает трактор со снарядами.

– Принимай боезапас.

– Петрович, лучше бы ты пожрать привез, – приветствую я приятеля.

Между тем тракторист подходит к пушке и решительно начинает восстанавливать свои художества. Чмыря попытался что-то вякнуть, но Петрович пообещал ему вылить краску на

бестолковую голову, если еще раз что-нибудь вякнет под руку. Поясняю расчету значение звездочек на стволе. Расчет одобрительно гудит, и мы начинаем разгружать снаряды.

- Заградительным!
- Заградительным! – дублирует команду Чмыря.
- Азимут пятнадцать десять!
- Азимут пятнадцать десять! – вопит наш командир.

Я кручу маховик горизонтальной наводки.

- Взрыватель девяносто четыре!

Чмыря старательно повторяет команду, но я бросаю установщику:

- На два меньше.

Номер нашего орудия – четыре, наш снаряд должен взорваться в самой нижней точке зоны заградительного огня, поэтому и взрыватель устанавливается на два меньше скомандованного комбатом.

- Угол возвышения семь десять!
- Угол возвышения семь десять! – опять включается наш ретранслятор.

На этот раз свой маховик вращает Паша.

- Шесть семьдесят, – напоминаю я ему.
- Помню, – откликается четвертый номер.
- Шкала три!
- Шкала три!

Уж лучше бы промолчал, я поворачиваю маховик на два оборота вправо. Лязгает затвор.

- Готово! – четырехкратным эхом проносится по батарее.

- Огонь! – командует Костромитин.

- Огонь! – дублируют команду сержанты.

Г-г-г-гах! Глушит расчеты батарейный залп.

- Откат нормальный! – докладывает третий номер.

Лязг затвора.

- Готово!

Я без чмыренного напоминания поворачиваю маховик на один оборот влево.

- Огонь!

Так и есть, опять забыл указать поправку, придурок. Вот так и стреляем. Батарея дает пять залпов и переносит огонь в следующую зону. Палим даже не в белый свет, а в черную ночь. Где-то над нами гудят немецкие бомбардировщики, но мы, оглохшие от выстрелов, их не слышим. И не видим. Шарящие по небу лучи прожекторов иногда захватывают крестик немецкого самолета, но пока специально выделенная батарея переносит огонь на подсвеченную цель, она успевает выскользнуть из луча в спасительную тьму. На моей памяти всего пару раз удавалось обстрелять попавшийся прожектористам самолет, но оба раза безрезультатно. Начальство утверждает, что мы кого-то все-таки сбили, но я в это не верю. Это они нам говорят для поддержания боевого духа.

Каждую ночь батарея дает тридцать-пятьдесят залпов, но немецкие бомбардировщики все равно прорываются к станции и подвешивают над ней «люстры». По этим «люстрам» яростно лупит МЗА. В отличие от нас, они попадают чаще и успевают погасить, по крайней мере, часть подсветки. Потом из темноты на станцию сыплются бомбы. К счастью, самой станции достается немного, гораздо больше приходится на жилые кварталы вокруг. Станция забита войсками, эшелоны прибывают и днем и ночью, поэтому даже несколько бомб, упавших на ее территорию, приводят к серьезным жертвам. А мы палим, палим, почти каждую ночь палим, но все без толку.

В верхах произошли перемены. Теперь мы запасной зенитный артиллерийский полк Брянского фронта. Нашу батарею, которую изначально планировали включить в один из отдельных дивизионов армейского подчинения, оставляют в системе ПВО железнодорожного узла Брянска. Мы понемногу обживаемся на новом месте. Вырыли в твердом суглинке землянки, соорудили в них нары. Воду берем из колонки городского водопровода, три раза в день из полка приезжает полевая кухня, да трактор Петровича привозит снаряды, пополняя израсходованный за ночь боекомплект. Раз в неделю – баня. Словом, служить можно, если бы не ночной образ жизни. Казалось бы, жизнь пошла по накатанной колее, но тут я вляпался в дерьмо, в прямом и переносном смысле.

Для нужд красноармейцев в полусотне метров от огневой позиции был построен освежитель типа «сортир». Пользовались им все, а раз это сооружение было общим, то за него никто конкретно не отвечал, ну и загадили, естественно. Когда старшина Пилипец, продолжавший обитать в расположении полка, где у него была батарейная каптерка, прибыл в расположение батареи и решил «освежиться», то возмущению его от состояния места общего пользования не было предела. Первым, кто подвернулся под его горячую руку, оказался наш Чмыря. Уяснив причину начальственного гнева, он тут же мобилизовал на ее устранение самого образованного номера расчета, то есть меня.

Задача оказалась не самой простой. Продукты жизнедеятельности командирских и красноармейских организмов успели засохнуть до каменной твердости. Я попробовал пустить в ход лопату, но в тесной будке орудовать ею практически невозможно. Тогда на помощь пришло инженерное мышление. Я сбил с топорща наш орудийный топор, привязал его к короткой палке и начал орудовать им, приговаривая:

– Зенитчики хреновы, по самолетам палят, а в очко с двадцати сантиметров попасть не могут.

Дело пошло, и конец был невероятно близок, но тут топор сорвался с палки и, булькнув, исчез в глубине наполненной фекалиями ямы. Приплыли. Все варианты достать его я отмел как неосуществимые и понадеялся, что Чмыря о топоре вспомнит не скоро. Зря надеялся. Как только я появился в землянке, на меня набросился Чмыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.